

К. М. Станюковичъ.

Пассажирка.

Разсказъ изъ морской жизни

Складъ М. М. Ледерле
Миллiонная 29.

С. Петербургъ Второе изданiе.

Н. Богданов

К. М. Станюковичъ.

ПАССАЖИРКА

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ МОРСКОЙ ЖИЗНИ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. М. Ледерле и К°.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 Января 1895 г.

Типо-лит. и фототипія, П. И. Бабкина. М. Морская, 20.

Посвящается Н. Г. Гарину.

I.

Дня за два до ухода нашего изъ Санъ-Франциско, мичманъ Цвѣтковъ, только что вернувшійся съ берега, стремительно ворвался въ каютъ-компанію и воскликнулъ своимъ бархатнымъ теноркомъ:

— Какую я вамъ привезъ, господа, новость!. Одно удивленье!

И чернокудрый пригожій молодой мичманъ, веселый, легкомысленный и жизнерадостный, ухитрявшійся влюбляться чуть ли не въ каждомъ портѣ, гдѣ клиперъ стоялъ болѣе трехъ сутокъ,—окинулъ живымъ, смѣющимся взглядомъ своимъ красивыхъ черныхъ глазъ нѣсколько человѣкъ офицеровъ, благодушествовавшихъ послѣ обѣда за чаемъ.

— Ну, какая тамъ у васъ новость?—недовѣрчиво и лѣниво кинулъ съ дивана старшій офицеръ Степанъ Дмитріевичъ и, потянув-

шись, зѣвнулъ, собираясь, по обыкновенію, со-снуть часокъ послѣ обѣда.

— Ужь не садится ли къ намъ адмиралъ?— испуганно спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, нѣтъ... Новость самая пріятная!— разсмѣялся мичманъ, открывая рядъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ... Только моя новость не для васъ, Евграфъ Иванычъ, и не для васъ, Антонъ Васильичъ,—обратился онъ, лукаво улыбаясь, къ пожилому артиллеристу и къ доктору.

— Это почему?

— Вы — въ законѣ. И не для васъ, батюшка... Вы — монахъ! И не для тебя, милордъ. Ты—влюбленный женихъ. Тебя ждетъ-не дождется въ Кронштадтѣ твоя невѣста.

— Да не балагань, говори въ чемъ дѣло! И безъ того довольно похожъ на Бобчинскаго! — проговорилъ медленно, сквозь зубы, товарищъ и пріятель Цвѣткова, мичманъ Бобровъ, прозванный «милордомъ».

Рыжій, съ выбритыми нарочно губами и маленькими, не доходившими до конца щекъ бачками, сухощавый и прилизанный, сдержанный и серьезный, онъ дѣйствительно смахивалъ на англичанина и корчилъ англомана, стараясь усилить это внѣшнее сходство и соотвѣтствующими, по его мнѣнію, англійскими

привычками: напускалъ на себя невозмутимость, выпучивалъ безсмысленно глаза, цѣдилъ слова, носилъ фланелевыя рубашки, пилъ портеръ и ничему не удивлялся.

— То-то: говори! А не бойсь, не угостишь бѣднаго мичмана русской папироской... Эти манилки... Чортъ бы ихъ побралъ!.. Ну не раздумывай же, благородный лордъ... Давай!

«Благородный лордъ», запасливый, бережливый и вообще очень аккуратный молодой человѣкъ, не только не дѣлавшій долговъ, но кое что сохранившій отъ своего небольшаго жалованья, — не смотря на второй годъ плаванія, курилъ еще папиросы, взятыя изъ Россіи. Онъ крайне неохотно угощалъ ими и не безъ нѣкотораго внутренняго колебанія досталъ папиросницу, но предусмотрительно не подалъ ее Цвѣткову, а, вынувъ одну папироску, протянулъ ее веселому мичману, давно прокурившему и проугощавшему свой запасъ.

Тотъ, послѣ первой жадной затяжки, значительно и торжественно проговорилъ, прищуривая смѣющіеся глаза:

— У насъ на клиперѣ будетъ пассажирка! Пойдетъ съ нами до Гонконга... Не ожидали, господа, такой новости, а?...

И жизнерадостный мичманъ оглядѣлъ всѣхъ побѣдоноснымъ взглядомъ.

Новость эта, видимо, произвела впечатлѣніе на моряковъ.

— Пассажирка!?—раздались восклицанія.

— И даже двѣ: молодая барынька и ея горничная, тоже молодая...

— Не плодъ ли это твоей фантазіи, сэръ?—усмѣхнулся милордъ.

— Фантазіи!? Прикуси свой языкъ, милордъ, и кстати ужъ проглоти аршинъ, чтобъ окончательно походить на англичанина.

— А собой какъ барынька?—спросилъ кто-то изъ молодежи.

— Чудо что такое!.. Ослѣпительная блондинка съ золотистыми волосами. Бѣла, какъ снѣгъ... Улыбка чарующая... Взглядъ ангела... Умница... Одѣта съ изящной простотой... Стройна и сложена божественно... Бюстъ роскошный... Ручки — восторгъ: маленькія, съ ямочками .. Ножки...

— А горничная какова? — неожиданно перебилъ мичмана, восторженно перечислявшаго всѣ прелести пассажирки, долговязый, вихрастый юнецъ-гардемаринъ съ крупными сочными губами.

— На кой вамъ чортъ знать о горничной!? — негодующе воскликнулъ мичманъ. Я разсказываю о *ней*, объ этой дивной женщинѣ, а вы: горничная! Это — профанація! У

васъ, видно, горничныя только на умѣ!.. Тьфу... А, впрочемъ, и горничная ничего себѣ! — вдругъ смѣясь, прибавилъ мичманъ. Ухаживайте за ней на здоровье!

— А ты ужь видно того... втюрился въ пассажирку? — насмѣшливо цромолвилъ «милордъ».

— И ты втюришься, какъ ее увидишь, даромъ что женихъ.

«Милордъ» презрительно усмѣхнулся и процѣдилъ:

— Я не такой влюбчивый воробей, какъ ты...

— Какая такая пассажирка, Владиміръ Алексѣичъ? Откуда она вдругъ объявилась и гдѣ это вы все узнали? — спросилъ въ свою очередь и старшій офицеръ, Степанъ Дмитріевичъ, умышленно равнодушнымъ тономъ, слушавшій однако съ живѣйшимъ любопытствомъ описаніе прелестной пассажирки и втайнѣ переживавшій радостное волненіе завзятаго женолюба.

И Степанъ Дмитріевичъ, далеко не казистый изъ себя мужчина лѣтъ около сорока, бѣлобрысый, коренастый, начинавшій сильно лысѣть, съ краснымъ отъ загара, угреватымъ, непривлекательнымъ лицомъ, среди котораго, словно руль, торчалъ длинный, неуклюжій носъ

съ шишкой на кончикѣ, невольно оживился, забывъ сонъ, пригладилъ съ достоинствомъ потную лысину и съ самымъ донъ-жуанскимъ видомъ сталъ крутить концы своихъ темно-рыжихъ усовъ. Въ то же время его маленькіе съ воспаленными вѣками глазки еще болѣе съузились и подернулись, какъ выражались мичмана, «прованскимъ масломъ», и самъ онъ молодцоваго выпятилъ грудь колесомъ, представляя всей своей фигурой нѣкоторое подобіе боченка.

Дѣло въ томъ, что Степанъ Дмитріевичъ, отличный служака, добрый и вообще скромный человѣкъ, имѣлъ одну непростительную слабость—считать себя весьма и весьма соблазнительнымъ мужчиной и думать, что нравится дамамъ.

— Я сейчасъ видѣлъ пассажирку у консула. Она пріѣзжала къ нему съ горничной выправить бумаги... Меня представили ей, и мы съ ней минутъ пять говорили... И капитанъ въ это время былъ у консула. Ну и скажу я вамъ, господа, нашъ то капитанъ...

— А что?..

— Потѣха! Даромъ, что и съ брюшкомъ, и почтенный отецъ семейства, а такъ и разсыпался, такъ и лебезилъ... Совсѣмъ не такой свирѣпый, какимъ бываетъ во время аврала...

Губы распустилъ, «ля-ля-ля», ходилъ вокругъ, словно котъ около сливокъ... Консульша даже смѣялась... И когда консулъ просилъ взять этихъ дамъ пассажирками до Гонконга, капитанъ съ удовольствіемъ согласился и предложилъ къ услугамъ очаровательной блондинкѣ свою каюту... А она, какъ царица, только чуть-чуть кивнула головкой.

— Онѣ американки, что ли? — снова полюбопытствовалъ старшій офицеръ, довольно плохо объяснявшійся на англійскомъ діалектѣ.

— Какія американки? Чистѣйшія русскія, москвички. Съ какой стати капитанъ взялъ бы американокъ пассажирками!

Это извѣстіе привело всѣхъ еще въ большій восторгъ.

— Какъ же онѣ сюда попали, въ Калифорнію?

— Очень просто. Прелестная блондинка была замужемъ за американцемъ, инженеромъ Кларкомъ. Этотъ Кларкъ былъ зачѣмъ-то въ Россіи, встрѣтился съ русской красавицей и влюбился, понятно, въ нее. Она, только-что кончившая курсъ институтка, дочь какого-то генерала, тоже влюбилась въ американца. Ну повѣнчались и уѣхали въ Америку; съ ними уѣхала и русская горничная, бывшая крѣпостная. Прожили они, по словамъ консула, пять

лѣтъ вполнѣ счастливо, — американецъ обожалъ жену. Три года тому назадъ они пріѣхали въ Калифорнію, и здѣсь американецъ потерялъ все огромное свое состояніе на спекуляціяхъ съ золотыми пріисками. Въ отчаяніи онъ въ одинъ прекрасный день пустилъ себѣ пулю въ лобъ... Ну не болванъ ли?

— Положимъ, болванъ, но что же дальше?— спросилъ кто-то.

— Эти три года несчастная вдова жила въ Сакраменто у родныхъ мужа и затѣмъ въ Санъ-Франциско, давала здѣсь уроки музыки. Кое-какія деньги, оставшіяся у нея послѣ богатства мужа, пропали у разорившагося банкира. Ее потянуло на родину, и вотъ теперь она возвращается въ Россію, отказавъ тремъ богатымъ женихамъ...

— Это она все тебѣ сообщила?—иронически замѣтилъ «милордъ».

— Нѣтъ, проницательный милордъ, не она, а консульша... Она съ ней давно знакома.

— Что-жъ она неутѣшная вдова, что-ли?

— Этого я не знаю... Знаю, только, что она прелестна и, по словамъ консульши, безупречной репутаціи. Ее такъ и зовутъ здѣсь «мраморной» вдовой.

— А сколько ей лѣтъ?

— Въ консульствѣ говорили: тридцать, но

это вранье по-моему. Ей много, много двадцать пять... Она глядитъ совсѣмъ дѣвушкой, такъ она свѣжа и хороша эта миссисъ Вѣра, какъ ее здѣсь зовутъ. Ну вотъ вамъ и вся исторія... Эй, вѣстовые, чаю!—крикнулъ мичманъ.

— Она не разучилась говорить по-русски?—спросилъ старшій офицеръ.

— Отлично говоритъ. Изрѣдка только у нея «заѣдаетъ» *). А голосъ-то какой, Степанъ Дмитричъ!

— Хорошій?

— Бархатъ! Такъ и ласкаетъ, такъ и проникаетъ въ душу!

— Посмотримъ, посмотримъ вашу красавицу!—весело и самоувѣренно, съ видомъ опытнаго знатока, промолвилъ Степанъ Дмитричъ, задорно какъ-то крякнулъ и пошелъ къ себѣ въ каюту отдыхать.

«Чорта съ два ты посмотришь! Рожа въ родѣ мѣдной кострюльки, а тоже воображаетъ!»—мысленно напутствовалъ его мичманъ. И бросилъ въ спину старшаго офицера непріязненный, насмѣшливый взглядъ.

Распросы на-счетъ пасссажирокъ продолжались еще нѣсколько времени. Одни интересо-

*) Моряки говорятъ: «снасть заѣла», т. е. снасть не идетъ, остановилась.

вались барыней, а другіе (и въ томъ числѣ пожилой артиллеристъ и вихрастый гардемаринъ) горничной, и всѣ выражали удовольствіе, что на клиперѣ будетъ пассажирка, которая своимъ присутствіемъ скраситъ однообразіе и скуку длиннаго перехода.

Одинъ только «дѣдушка», какъ звали всѣ любимаго стараго штурмана Ивана Ивановича, слушая всѣ эти разговоры, не выражалъ ни малѣйшаго сочувствія и какъ-то загадочно усмѣхался, неодобрительно покачивая своей сѣдой, коротко остриженной головой.

Мичманъ между тѣмъ не уставалъ пѣть восторженные диѳирамбы красотѣ молодой вдовы. Отвѣчая на назойливые вопросы, онъ хвалилъ и горничную, но равнодушно и сдержанно. Въ концѣ-концовъ чуть не вышла крупная исторія. Лейтенантъ Баклановъ, довольно видный блондинъ, кронштадтскій сердцеѣдъ, сдѣлалъ насчетъ будущей пассажирки очень нескромное замѣчаніе. Мичманъ вспыхнулъ, губы его затряслись, и онъ назвалъ Бакланова нахаломъ, не понимающимъ, какъ надо говорить о порядочной женщинѣ. Дѣло дошло бы до крупной ссоры, еслибъ не вмѣшался «дѣдушка» и, со свойственнымъ ему умѣньемъ миротворца, не уговорилъ двухъ распѣтушившихся молодыхъ людей извиниться другъ передъ другомъ.

— Перессорятся у насъ всѣ изъ-за этой пассажирки!—пророчески, тономъ видавшаго виды философа, говорилъ нѣсколько минуть спустя «дѣдушка» Иванъ Ивановичъ, преклонные года котораго оставляли его, повидимому, совершенно равнодушнымъ къ прелестямъ женской красоты.—Еще ея нѣтъ, а ужъ ссора! А что же будетъ, когда всѣ закружатъ около пассажирки словно тетерева на току? На берегу, гдѣ много бабья, и то изъ-за нихъ однѣ непріятности, а въ морѣ, когда одна хорошенькая дамочка среди этихъ, съ позволенія сказать, пѣтуховъ... благодарю покорно! Тутъ и служба не пойдетъ на умъ... Нѣтъ-съ, не резонъ брать пассажирокъ, да еще на длинный переходъ. Не одобряю-съ! Не даромъ же, по регламенту Петра Великаго, женщинъ нельзя брать въ плаванье. Царь-то великаго ума былъ... Понималъ въ чемъ загвоздка.

Толстенькій, кругленькій, чистенькій и свѣжій, какъ огурчикъ, судовой врачъ Антонъ Васильевичъ, передъ которымъ философствовалъ старый штурманъ, весело закатился мелкимъ визгливымъ смѣхомъ, умильно жмуря глаза, и неопредѣленно протянулъ, стараясь принять степенный видъ:

— Ддда...женщина, особенно хорошенькая...

— То-то оно и есть! Каждому лестно...

— Именно лестно... Хе-хе-хе!

— И посойдутъ они всѣ съ ума, ошалѣютъ, какъ коты по веснѣ, вспомните мое слово, Антонъ Васильевичъ... Этотъ Цвѣтковъ уже втюрился... «И такая, и сякая, писаная, немазанная!»... Чего только не насказалъ!.. Извѣстно, съ влюбленныхъ голодныхъ глазъ, да въ двадцать три-то года, всякая смазливая дамочка—красавица... И Степанъ Дмитричъ... даромъ, что лысъ, а ужъ хвостъ распустилъ и усы сталъ закручивать, и капитанъ тоже... Вотъ и будетъ, можно сказать, у насъ кавардакъ изъ-за этой самой пассажирки,— ворчливо прибавилъ Иванъ Ивановичъ.

Иванъ Ивановичъ, вообще словоохотливый внѣ службы, повидимому не прочь былъ еще пофилософствовать на эту тему. Но, взглянувъ на доктора и увидавъ въ его лицѣ и глазахъ игриво-веселое выраженіе, далеко не обнаруживавшее сочувствія къ его словамъ, Иванъ Ивановичъ укоризненно покачалъ головой, молча докурилъ манилку и вышелъ изъ каютъ-компаніи.

«Да и ты, братъ, такой же саврасъ, какъ и другіе!»—говорило, казалось, добродушное старое лицо штурмана.

II.

Вечеромъ съ берега пріѣхалъ капитанъ и тотчасъ же потребовалъ къ себѣ въ каюту старшаго офицера.

Капитанъ былъ толстякъ лѣтъ пятидесяти, почти сѣдой, съ крупными чертами загорѣлаго полнаго лица, съ крѣпко посаженной круглой головой на короткой толстой шеѣ и большими глазами, метавшими молніи во время гнѣва и добродушными въ минуты спокойствія. Короткіе сѣдые усы прикрывали толстыя губы, съ которыхъ нерѣдко слетали энергическія ругательства во время аврaловъ и ученій.

Напустивъ на себя недовольный видъ и хмуря засѣдѣвшія брови, капитанъ проговорилъ рѣзкимъ, отрывистымъ голосомъ:

— Завтра прибудутъ двѣ пассажирки: вдова инженера Вѣра Сергѣевна Кларкъ и ея горничная... Непріятно, конечно, возиться на

суднѣ съ бабьемъ, но что дѣлать? Нельзя было отказать. Консулъ очень просилъ и вообще... вообще дама, заслуживающая уваженія и покровительства. Я отдаю ей свою каюту. Самъ помѣщусь въ рубкѣ... Приходится изъ-за этой пассажирки стѣсняться,—все тѣмъ же недовольнымъ тономъ говорилъ капитанъ.—А васъ, Степанъ Дмитричъ, попрошу распорядиться, чтобы хоть на это время и господа офицеры, и боцмана, и матросы воздержались... не ругались бы во всю ивановскую... Нельзя-же... Понимаете, дама-съ, генеральская дочь... Неприлично-съ!

— Слушаю-съ! Я скажу офицерамъ и отдамъ приказаніе боцманамъ, Петръ Никитичъ!

— Особенно этотъ боцманъ Матвѣевъ... Не можетъ, каналья, рта открыть безъ ругани. Такъ ужъ вы велите ему заткнуть свою глотку, а то срамъ-съ. Дама, и не какая-нибудь тамъ, знаете-ли, старая корга, а молодая женщина, образованная, деликатнаго воспитанія, ну, однимъ словомъ, вполнѣ дама-съ. И жила, понимаете, долго въ Америкѣ и слѣдовательно отвыкла въ нѣкоторомъ родѣ отъ Россіи. Здѣсь вѣдь такъ не ругаются!—пояснилъ капитанъ и снова повторилъ:—Да-съ, приходится въ рубкѣ... не особенно пріятно... Да и вообще не люблю я дамъ на военномъ суд-

нѣ... стѣснительно... Ну да нельзя было отказать!—какъ бы оправдывался капитанъ.

«Однако ловко же ты напускаешь туману!» подумалъ старшій офицеръ, вспомнивъ разсказъ мичмана о томъ, какъ лебезилъ капитанъ передъ хорошенькой пассажиркой,—и проговорилъ:

— Это точно, Петръ Никитичъ, дама болѣе береговое созданіе.

— Да вотъ еще что, Степанъ Дмитричъ,— заговорилъ капитанъ, — вы, пожалуйста, скажите мичманамъ и гардемаринамъ, чтобы они, знаете ли, того... не гонялись за горничной какъ кобели, съ позволенія сказать... Чего добраго, заведутъ тамъ еще интригу... Она пожалуется... Скандалъ... Военное судно... Надо помнить-съ!—строго прибавилъ капитанъ.

— Слушаю-съ!

Капитанъ помолчалъ.

— Больше не будетъ никакихъ приказаній, Петръ Никитичъ?—спросилъ старшій офицеръ.

— Кажется, болѣе ничего... Снимаемся послѣ-завтра, съ разсвѣтомъ.

Степанъ Дмитріевичъ хотѣлъ-было уходить, какъ капитанъ, внезапно мѣняя тонъ и сбрасывая съ себя строгій начальническій видъ, проговорилъ съ тѣмъ обычнымъ добродушіемъ, съ какимъ говорилъ не по службѣ:

— А знаете-ли, Степанъ Дмитричъ... Вѣдь наша пассажирка... того... прехорошенькая, можно сказать, дама-съ!

И при этихъ словахъ лицо капитана расплылось въ широкую улыбку, и большіе, на выкатѣ, глаза его приняли нѣсколько игривое выраженіе.

— Цвѣтковъ разсказывалъ, Петръ Никитичъ! Говоритъ: красавица,—отвѣчалъ, тоже весело улыбаясь, Степанъ Дмитричъ и сталъ крутить усы.

— Цвѣтковъ? Да, онъ былъ у консула въ то самое время, когда къ нему пріѣзжала пассажирка, и успѣлъ-таки съ ней познакомиться. Вѣрно ужь и наговорилъ ей своихъ мичманскихъ любезностей... Этотъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ!—съ оттѣнкомъ неудовольствія въ голосѣ прибавилъ капитанъ.

— Онъ, кажется, ужъ по уши влюбленъ въ пассажирку. Вернулся съ берега совсѣмъ ошалѣлый!—смѣясь, замѣтилъ Степанъ Дмитріевичъ.

— Ну и... и дуракъ!—неожиданно, съ раздраженіемъ, выпалилъ капитанъ.

Старшій офицеръ удивленно взглянулъ на капитана, недоумѣвая, съ чего это его прорвало.

А капитанъ черезъ нѣсколько мгновеній,

словно устыдясь своего внезапнаго, почти инстинктивнаго раздраженія стараго, некрасиваго мужчины противъ молодаго, красиваго и ловкаго, имѣющаго всѣ шансы нравиться женщинамъ, и желая скрыть передъ старшимъ офицеромъ истинную причину своего гнѣвнаго восклицанія,—проговорилъ:

— Вѣдь славный этотъ Цвѣтковъ и офицеръ бравый, но какой-то сумасшедшій. Какъ увлечется, тогда ему хоть трава не рости. Помните, какъ онъ чуть-было не остался въ Англіи изъ-за какой-то англичанки? Три дня мы его по Лондону искали. Вѣдь пропалъ бы человѣкъ!

— Влюбчивъ, что и говорить, — вставилъ Степанъ Дмитріевичъ,—и не понимаетъ еще хорошо женщинъ,—не безъ апломба прибавилъ старшій офицеръ, пріосаниваясь.

— То-то и есть... А эта пассажирка, молодая вдовушка, можетъ легко вскружить голову такому молодому сумасброду... Да-съ! Она, какъ я слышалъ,—продолжалъ капитанъ, хоть и ничего не слышалъ, — она, знаете ли, хоть съ виду въ нѣкоторомъ родѣ нимфа-съ, а опасная кокетка... Въ глазахъ у нея есть что-то такое... Какъ въ океанѣ... Штиль, а какъ зареветъ... бери всѣ рифы-съ... ха-ха-ха!.. Я, какъ человѣкъ пожившій, сразу замѣтилъ... Штучка! Такъ вокругъ пальца и обведетъ!

И капитанъ повертѣлъ передъ своимъ широкимъ крупнымъ носомъ толстый и короткій указательный палецъ, на которомъ блестѣлъ брилліантовый перстень.

— Ну и жаль будетъ молодаго человѣка, если онъ врѣжется, какъ дуракъ, и надѣлаетъ глупостей... Пассажирка, въ самомъ дѣлѣ, канальски хороша... Надѣюсь, Степанъ Дмитричъ, этотъ разговоръ между нами! — вдругъ прибавилъ нѣсколько смущенно капитанъ.

— Будьте покойны, Петръ Никитичъ.

Когда старшій офицеръ уже выходилъ изъ каюты, капитанъ еще разъ повторилъ ему въ догонку, и на этотъ разъ снова рѣзкимъ тономъ командира:

— Такъ, пожалуйста, чтобы боцмана не ругались. Особенно Матвѣевъ...

— Есть!—на ходу отвѣтилъ старшій офицеръ.

Онъ въ тотъ же вечеръ позвалъ къ себѣ въ каюту обоихъ боцмановъ, Матвѣева и Архипова, и, объяснивъ, что на клиперѣ будутъ пассажирки, строго приказалъ не ругаться и велѣлъ это приказаніе передать унтеръ-офицерамъ и командѣ.

Отдавая такое приказаніе, Степанъ Дмитріевичъ, и самъ большой охотникъ до крѣпкихъ

словечекъ, сознавалъ въ душѣ, что исполнить его боцманамъ будетъ очень трудно, пожалуй, даже невозможно. И, вѣроятно, именно вслѣдствіе такого сознанія, онъ, пунктуальный исполнитель воли начальства, еще грознѣе и рѣшительнѣе повторилъ, возвышая голосъ:

— Чтобы во время работъ ни гу-гу! Слышите?

— Слушаемъ, ваше благородіе!—отвѣчали оба боцмана и въ ту же секунду, словно охваченные одной и той же мыслью, переглянулись между собою.

Этотъ быстрый обмѣнъ взглядовъ двухъ боцмановъ совершенно ясно выражалъ полнѣйшую невозможность исполненія такого страннаго приказанія.

— Смотри-же!—прикрикнулъ старшій офицеръ. Особенно ты, Матвѣевъ, не давай волю своему языку. Ты загибаешь такія слова... Чортъ знаетъ, откуда только берется у тебя всякая ругань. Чтобы ея не было!

Матвѣевъ, пожилой, небольшаго роста, крѣпкій и коренастый человѣкъ, съ рыжими баками и усами, почтительно выпучивъ глаза, нерѣшительно переступалъ босыми жилистыми ногами и усиленно теребилъ пальцами фуражку.

— Буду оберегаться, ваше благородіе, но только осмѣлюсь доложить...

И боцманъ еще сердитѣй затеребилъ фуражку.

— Что доложить?

— ...Осмѣлюсь доложить, что вовсе отстать никакъ невозможно, ваше благородіе, какъ передъ истиннымъ Богомъ докладываю. Дозвольте хучь тишкомъ, чтобы до шканцевъ не долетало и не безпокоило пассажирокъ. Чтобы, значитъ, честно и благородно, ваше благородіе,—прибавилъ въ поясненіе Матвѣевъ, любившій иногда въ разговорѣ съ начальствомъ вворачивать деликатныя слова.

На смугломъ худощавомъ лицѣ Архипова выражалось полное сочувствіе къ просьбѣ товарища.

— Тишкомъ!?—переспросилъ старшій офицеръ, подавляя улыбку.—Ты и тишкомъ такъ орешь, что тебя за версту слышно. Глотка-то у тебя мѣдная, у дьявола!

Боцманъ стыдливо заморгалъ глазами отъ этого комплимента.

— Ты пойми, Матвѣевъ, пассажирки — дамы. При нихъ вѣдь нельзя языкомъ паскудничать какъ передъ матрозней.

— Точно такъ, ваше благородіе, извѣстно дамы! — осклабился боцманъ. Къ этому не привычны.

— То-то и есть! Такъ ужъ вы остерегай-

тесь... Не осрамите... А не то командиръ строго взыщетъ, да и я не поблагодарю...

— Будемъ стараться, ваше благородіе!— отвѣтили разомъ оба боцмана подавленными голосами.

— Ступайте!

Они юркнули изъ каюты старшаго офицера, осторожно, на ципочкахъ, прошли одинъ за другимъ черезъ каютъ-компанію и, очутившись въ палубѣ, остановились и снова переглянулись какъ два авгура, безъ словъ понимающіе другъ друга.

— Ддда!—протянулъ Матвѣевъ.

— Ловко!—промолвилъ Архиповъ.

— Нечего сказать, приказъ! Остерегись тутъ.

— Какъ-то онъ самъ остережется!

— И какая Кузькина мать принесла этихъ пассажирокъ, чтобъ ихъ...

И съ устъ Матвѣева полилась та вдохновенная импровизація ругани, которая стяжала ему благоговѣйное удивленіе всей команды.

— А вѣстовые сказывали, будто горничная— цаца!—усмѣхнулся, подмигивая глазомъ, Архиповъ.

— И безъ насъ, братецъ, довольно на эту цацу стракулистовъ!—сердито отвѣтилъ Матвѣевъ и кивнулъ головой на гардемаринскую каюту... Не бойсь, маху не дадутъ!

И оба боцмана, недовольные будущими пассажирками, поднялись наверхъ и пошли на бакъ сообщать распоряженіе старшаго офицера.

А тамъ ужъ шустрый молодой вѣстовой Цвѣткова, Егорка сообщалъ кучкѣ собравшихся вокругъ него матросовъ о томъ, что слышалъ въ каютъ-компаніи, причемъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи изукрасить слышанное своей собственной фантазіей и произвелъ пассажирку въ генеральши.

— Россійскаго генерала, братцы, дочь, а здѣшняго генерала жена,—разсказывалъ не безъ увлеченія Егорка. Ва-ажная и кра-асивая! Самъ генералъ, братцы, изъ левольвера застрѣлился неизвѣстно по какой причинѣ—спекуляція какая-то приключилась, болѣзнь такая—а жонка послѣ того и заскучила...

— Извѣстно, живой человѣкъ... Безъ мужа заскучитъ! - вставилъ кто-то.

— «Не хочу, говоритъ, послѣ того оставаться въ здѣшнихъ проклятыхъ мѣстахъ... Неравно, говоритъ, и сама тою-жъ болѣзнью заболѣю и рѣшу себя жизни. Желаю, говоритъ, ѣхать безпремѣнно на родину и вторительно пойду замужъ не иначе какъ за русскаго человѣка».

— Видно, баба съ разсудкомъ. Это она

правильно... Со своими живи! — раздалось чье-то замѣчаніе.

— И испросилась, значитъ, генеральша у капитана иттить съ нами до Гонконта, а оттеда на вольномъ пароходѣ. А съ ей горничная. Мой мичманъ сказывалъ, что такая форсистая и пригожая дѣвушка, вродѣ бытто мамзели... Одно слово, братцы, краля!

— Она изъ какихъ, Егорка? Мериканка?

— Наша православная. Изъ Россіи привезена хрестьянской дѣвушкой... Только, долго живши въ Америкѣ въ этой, мамзелистой стала на хорошемъ-то харчѣ... Здѣсь вѣдь, братцы, все мясо да бѣлый хлѣбъ... Народъ въ пинжакахъ...

— Ишь ты... русская! А давно мы русскихъ дѣвокъ не видали, ребята!—замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— То-то давно... А наши не въ примѣръ лучше!—рѣшительно заявилъ Егорка.

— Не бойсь, Егорка, и здѣшнія мамзели понравились?

— Что говорить, чистый народъ, но только ни она тебя, ни ты ее понять не можешь... «Вери гутъ да вери гутъ»—вотъ и всего разговору...

— А хороши шельмы здѣшнія... Очинно хороши...

— Наши-то поядренѣй... Потоваристѣй!— засмѣялся Егорка. А здѣсь только-что съ лица хороша... А чтобы на счетъ ядрености противъ россійскихъ не сустоять... Костлявыя какія-то...

Разговоръ принялъ нѣсколько спеціальный характеръ, когда матросы стали входить въ подробную оцѣнку достоинствъ женщинъ разныхъ націй. Всѣ, впрочемъ, согласились на томъ, что хотя и англичанки, и француженки, и китаянки, и японки, и каначки ничего себѣ, «бабы какъ бабы», но русскія все таки гораздо лучше.

III.

Въ этотъ теплый и яркій сентябрьскій день офицеры клипера, въ ожиданіи пассажирки, особенно внимательно занялись туалетомъ и мылись, брились и чесались въ своихъ каютахъ дольше чѣмъ обыкновенно. Къ завтраку почти всѣ явились въ каютъ-компанію прифранченными, въ новыхъ сюртукахъ съ блестящими погонами и въ бѣлыхъ жилетахъ. Туго накрахмаленные воротники и рукава рубашекъ, мастерски вымытыхъ въ С.-Франциско китайцами-прачками, сіяли ослѣпительной бѣлизной и блестѣли словно полированные. Бакенбарды различныхъ формъ были безподобно расчесаны и подбородки гладко выбриты. Усы, начиная съ великолѣпныхъ усовъ фатоватаго лейтенанта Бакланова, длинныхъ, шелковистыхъ, составлявшихъ предметъ его гордости и особенныхъ заботъ, и кончая маленькими усиками

самаго юнаго гардемарина «Васеньки», были тщательно закручены и нафиксатуарены. Сильный душистый ароматъ щекоталъ обонянiе, свидѣтельствуя, что господа моряки не пожалѣли ни духовъ, ни помады. Особенно благоухалъ старшiй офицеръ, Степанъ Дмитрiевичъ. Щеголевато одѣтый, напомаженный, прикрывшiй часть лысины умѣлой прической, онъ словно чувствовалъ себя во всеоружiи неотразимости соблазнительнаго мужчины и то и дѣло покручивалъ свои темнорыжiе усы и ощупывалъ свой длинный красный носъ, испробовавъ наканунѣ новое вѣрное средство противъ угрей.

Каютъ-компанiя, вымытая и убранная вѣстовыми, блестѣла той умопомрачающей чистотой, какая только извѣстна на военныхъ судахъ. Нигдѣ ни пылинки. Клеенка сверкала, и щиты изъ корельской березы просто горѣли. На срединѣ стола красовался въ японской вазѣ, данной кѣмъ-то изъ офицеровъ, огромный роскошный букетъ, заказанный, по настоянiю Цвѣткова, для украшенiя каютъ-компанiи. Вѣстовые были въ чистыхъ бѣлыхъ рубахахъ и штанахъ и обуты въ парусинные башмаки. Старшiй офицеръ еще вчера приказалъ имъ: на время присутствiя пассажирки босыми не ходить и одѣваться чисто, а не то...

Только «дѣдушка» Иванъ Ивановичъ да старшій судовой механикъ Игнатій Аѳанасьевичъ Гнѣненко нарушали общую картину параднаго великолѣпія.

Иванъ Ивановичъ сохранялъ обычный будничный видъ въ своемъ старенькомъ, хотя и опрятномъ, люстриновомъ сюртучкѣ, серебряные погоны котораго давно потеряли свой блескъ и съежились, и съ высокими «лиселями» (воротничками), упиравшимися въ его чисто выбритыя, старчески румяныя щеки, а Игнатій Аѳанасьевичъ, человѣкъ лѣтъ за тридцать, съ добрыми свѣтлыми глазами, отличавшійся крайнимъ добродушіемъ, невозмутимой хохлацкой флегмой и неряшливостью, явился въ каютъ-компанію, по обыкновенію, въ засаленномъ кителѣ съ вѣчной дырой на локтѣ. Воротникъ его рубашки, повязанный какимъ-то обрывкомъ, былъ сомнительной свѣжести; всклокоченные волосы видимо требовали гребня и щетки.

Увидавъ Игнатія Аѳанасьевича въ такомъ костюмѣ, Цвѣтковъ, сіяющій словно имянинникъ въ ослѣпительно бѣломъ костюмѣ, просто-таки пришелъ въ ужасъ.

— Игнатій Аѳанасьичъ... Голубчикъ... Помилосердствуйте!—возбужденно воскликнулъ онъ, озирая неуклюжую фигуру механика.

— А что?—невозмутимо освѣдомился Игнатій Аѳанасьевичъ.

— Нельзя же... На клиперѣ будетъ дама, а вы... Посмотрите...

И Цвѣтковъ показалъ на дыру на локтѣ.

Игнатій Аѳанасьевичъ тоже взглянулъ на дыру, почему-то потрогалъ ее пальцемъ и, улыбаясь глазами, проговорилъ съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ:

— Не зачинилъ шельма Ивановъ... А я давно ему говорилъ...

— Но самый сюртукъ!.. Чтò подумаетъ пассажирка, увидавъ васъ въ такомъ костюмѣ?

— А нехай думаетъ, что хочетъ!—добродушно замѣтилъ Игнатій Аѳанасьевичъ.

Раздался взрывъ смѣха.

— Нѣтъ, ужъ вы, Игнатій Аѳанасьевичъ, поддержите честь клипера... Ради Бога... Сюртука вамъ новаго жаль, что ли?..

— Да я не выйду ее смотрѣть...

— А если она зайдетъ въ каютъ-компанію... Захочетъ взглянуть... Наконецъ, мы ее пригласимъ... Ужъ вы, Игнатій Аѳанасьичъ, не спорьте, ей-Богу... Не полѣнитесь, милый, переодѣньтесь...

Цвѣтковъ такъ упрашивалъ, что Игнатій Аѳанасьевичъ, не смотря на свою лѣнь, обѣщалъ переодѣться...

— Только не думайте, что на ходу я стану для нея одѣваться... Подъ парами я въ своей курткѣ буду! — замѣтилъ Игнатій Аѳанасьевичъ... Пассажирка ко мнѣ въ машину не придетъ, надѣюсь.

Пассажирку ждали къ шести часамъ—къ обѣду вмѣстѣ съ консуломъ и консульшей, приглашенными капитаномъ. Въ пять часовъ за гостями былъ посланъ щегольской капитанскій катеръ. Другой катеръ отправился за багажемъ.

Цвѣтковъ хотѣлъ-было отправиться съ катеромъ, посланнымъ за гостями, но старшій офицеръ сказалъ ему, что, по распоряженію капитана, ѣхать съ катеромъ назначенъ гардемаринъ Ивковъ («Васенька»).

— Да развѣ не все равно, кто поѣдетъ? Я, по крайней мѣрѣ, уже знакомъ съ пассажиркой... А Васенька охотно уступаетъ мнѣ свое право... Не правда-ли, Васенька?

— Я очень радъ не ѣхать!—подтвердилъ юный и очень застѣнчивый Васенька.—Я не умѣю разговаривать съ дамами!—прибавилъ онъ, краснѣя.

— Такъ разрѣшите, Степанъ Дмитричъ!

— Нѣтъ, ужъ вы лучше сами, Владиміръ Алексѣичъ, спросите капитана!—съ улыбкой проговорилъ старшій офицеръ.

— Что-жъ, и спрошу!

— Эка тебѣ не терпится увидать юбку... Удивляюсь твоему легкомыслію!—процѣдилъ милордъ.

— И удивляйся! — огрызнулся Цвѣтковъ, выходя изъ каютъ-компаніи.

Большая роскошная капитанская каюта была убрана, видимо для пассажирки, особенно тщательно. Разныя японскія и китайскія вещи, вынутыя изъ ящиковъ капитана, были разставлены въ разныхъ мѣстахъ, украшая убранство каюты. На накрытомъ, превосходно сервированномъ столѣ, красовались букеты розъ. Тонкій ароматъ духовъ стоялъ въ воздухѣ.

Самъ капитанъ, пріодѣтый и прифранченный, съ подстриженными волосами и баками, красный, какъ ракъ, и отдувающійся отъ жары, стоялъ, подавшись своимъ солиднымъ брюшкомъ впередъ, озабоченно озирая убранство стола, и не замѣтилъ прихода мичмана.

«Ишь какъ онъ убралъ каюту для пассажирки, и какъ самъ разукрасился, толстопузый!» усмѣхнулся про себя Цвѣтковъ, оглядывая каюту и самого толстяка-капитана. «Не бойсь и шампанское сегодня!» завистливо промелькнуло у него въ головѣ при видѣ вазъ съ бутылками на столѣ... Жаль, что не моя очередь у него обѣдать... Милордъ будетъ!..»

— Петръ Никитичъ!—проговорилъ мичманъ.

Капитанъ поднялъ голову и, увидавъ Цвѣткова въ полномъ блескѣ, сухо спросилъ:

— Что прикажете-съ, Владиміръ Алексѣичъ?

— Позвольте мнѣ, Петръ Никитичъ, ѣхать съ капитанскимъ катеромъ вмѣсто гардемарина Ивкова.

— Это почему-съ? Со шлюпками ѣздятъ гардемарины, а вы, кажется, мичманъ-съ.

Эти «ерсы», которыми сыпалъ капитанъ, и рѣзкій, сухой тонъ его голоса, казалось, должны были бы предостеречь мичмана отъ продолженія и заставить его убраться по-добру поздорову изъ каюты,—но онъ, охваченный страстнымъ желаніемъ прокатить хорошенькую блондинку на катерѣ подъ парусами и щегольнуть передъ ней своимъ умѣньемъ лихо управлять шлюпкой,—не замѣчалъ, что капитанскіе глаза предвѣщаютъ бурю, и прежнимъ легкомысленнымъ тономъ продолжалъ:

— Въ такомъ случаѣ, позвольте, Петръ Никитичъ, просто поѣхать встрѣтить пассажирку. Быть можетъ, ей понадобятся услуги какія нибудь... Такъ я...

— Это еще что за встрѣчи, Владиміръ Алексѣичъ!?—перебилъ, закипая гнѣвомъ, капитанъ. Какія такія вы выдумали особенныя встрѣчи?.. Какія тамъ услуги-съ!? Съ чего

вы вздумали гоняться за пассажиркой? Вы вѣдь офицеръ военнаго судна, а не какой нибудь, съ позволенія сказать, годовалый понтеръ-съ! Тоже встрѣчи устраивать! И какъ вы позволили себѣ, господинъ мичманъ, обращаться ко мнѣ съ такимъ вздоромъ, а?—вдругъ крикнулъ капитанъ, уставивъ свои выпученные глаза съ вращающимися бѣлками на Цвѣткова.

Никакъ не ожидавшій такого гнѣвнаго взрыва, Цвѣтковъ проговорилъ:

— Я полагалъ, что...

— А вы не полагайте-съ и не приходите къ капитану съ подобными заявленіями... Ишь... разрядились какъ!—прибавилъ капитанъ, оглядывая блестящаго мичмана. Какая-то пассажирка, а ужъ вы...

— Я полагаю, это до службы не относится, Петръ Никитичъ!—довольно твердо замѣтилъ Цвѣтковъ, взглядывая на капитана въ упоръ.

— Все-съ относится къ службѣ!—понижая тонъ, отвѣчалъ капитанъ... Можете идти-съ!

Цвѣтковъ вернулся въ каютъ-компанію въ возбужденномъ состояніи, раздраженный.

— Ну что, ѣдете за пассажиркой, Владиміръ Алексѣичъ?—лукаво спросилъ старшій офицеръ.

— Какое ѣду... Онъ еще меня разнесъ.

— За что-же?

— А вотъ подите. Раскричался словно оглашенный... Даже на счетъ костюма замѣтилъ: «разрядились», говоритъ... Но тутъ я ему задалъ «ассаже». Какое ему дѣло, разрядился я или нѣтъ? И съ чего онъ взъерепенился, скажите на милость? Кажется, ничего нѣтъ позорнаго встрѣтить даму?.. А, главное, самъ-то онъ, ради пассажирки, франтъ франтомъ одѣлся... Ей-Богу, вотъ увидите... И каюту изукрасилъ какъ! Вездѣ китайщина и японщина... На столѣ букеты розъ... Къ обѣду шампанское... За что же мнѣ-то попало?

— И не такъ еще попадетъ, Влидимiръ Алексѣичъ!—примолвилъ Иванъ Ивановичъ.

— За какiя такiя дѣла, дѣдушка?

— А все изъ-за этой пассажирки.

— Она-то тутъ при чемъ?

— А при томъ, что всѣ вы изъ-за нея съ ума посходите... Ужъ вотъ вы, батенька, горячку запороли... непремѣнно встрѣчать ее захотѣли... Еще насмотритесь на пассажирку. Переходъ-то длинный.

— А сколько примѣрно времени?

— Да ужъ никакъ не меньше трехъ недѣль.

— И чудесно, дѣдушка!—воскликнулъ мичманъ.

— Что чудесно?

— Она три недѣли будетъ съ нами.

— Эхъ вы... ненасытные! Мало вамъ, что ли, влюбляться на берегу — еще въ морѣ захотѣли!—замѣтилъ, улыбаясь, дѣдушка. Сколько у васъ будетъ соперниковъ. Другъ дружку станете ревновать.

— Она ни на кого изъ насъ не обратитъ вниманія, дѣдушка.

— Ну такъ вы и совсѣмъ взбѣситесь. Помяните мое слово!

Цвѣтковъ уже весело смѣялся, слушая «дѣдушку», забылъ о «разносѣ», полученномъ отъ капитана, и все время нетерпѣливо посматривалъ на часы.

Въ это время въ каютъ-компанію вошелъ Игнатій Аѳанасьевичъ въ новой парѣ, въ чистой рубашкѣ, повязанной какимъ-то необыкновеннымъ бантомъ, приглаженный, прилизанный и выбритый.

— Браво, Игнатій Аѳанасьичъ. Совсѣмъ вы молодцомъ!—воскликнулъ Цвѣтковъ.

— Того и гляди въ Игнатія Аѳанасьича пассажирка влюбится!—замѣтилъ кто-то.

— А пусть влюбится! — невозмутимо произнесъ Игнатій Аѳанасьевичъ, вызывая общій смѣхъ, и поспѣшилъ присѣсть къ столу, видимо чувствуя себя не совсѣмъ ловко въ новомъ платьѣ и потому нѣсколько удрученный.

— Катеръ, господа, идетъ! — крикнулъ въ открытый люкъ вахтенный офицеръ.

Всѣ бросились изъ каютъ-компаніи наверхъ смотрѣть пассажирку.

День былъ превосходный. Жара умѣрялась легкимъ вѣтеркомъ. Пользуясь имъ, капитанскій катеръ, слегка накренившись, приближался подъ парусами къ клиперу, лихо прорѣзывая кормы и носы многочисленныхъ судовъ, стоявшихъ на оживленномъ санъ-францискомъ рейдѣ.

Всѣ бинокли устремились на катеръ. Одинъ лишь Степанъ Дмитріевичъ, желая, въ качествѣ старшаго офицера, показать солидность, съ напускнымъ равнодушіемъ разгуливалъ по шканцамъ, по временамъ подрагивая бедрами и неустанно закручивая усы.

— Ни-че-го осо-бен-наго!—процѣдилъ, отводя бинокль, «милордъ», стараясь показать ледяное равнодушіе и корча изъ себя, по случаю пріѣзда пассажирки, равнодушнаго ко всему въ мірѣ человѣка, какъ и подобало быть, по его мнѣнію, настоящему англичанину.

— И болванъ ты, благородный лордъ, послѣ этого! — воскликнулъ прильнувшій глазами къ биноклю Цвѣтковъ.

— Парламентское выраженіе!

— Или ты врешь, или ничего не понимаешь

въ красотѣ. Она—идеально хороша... Вотъ увидишь ее вблизи и, если ты не англійская швабра, то...

— И «швабра»... весьма мило!—насмѣшливо перебилъ милордъ.

— Да какъ же ты смѣешь говорить: «ничего особеннаго». Чего тебѣ особеннаго?.. Однако Васенька молодцомъ правитъ... Ишь какъ ловко подрѣзалъ корму американцу... Лихо!

— Нѣтъ, хорошенькая, я вамъ скажу, дамочка!—произнесъ, ни къ кому не обращаясь, кругленькій, толстенькій, чистенькій докторъ и захихикалъ своимъ мелкимъ смѣхомъ.

— И, какъ слѣдуетъ, съ аванпостами и вообще... го-го-го...

И пожилой старшій артиллерійскій офицеръ, интересовавшійся горничной, весело загоготалъ...

— Ужъ заржали молодцы! — промолвилъ «дѣдушка» и безнадежно махнулъ рукой.

— Да вы взгляните, Иванъ Иванычъ, такъ и сами... того...—обратился къ нему въ полголоса докторъ, предлагая бинокль.

— Чего смотрѣть? Не видалъ я, что-ли, юбокъ-съ? Видывалъ. И безъ бинокля увижу. Не бойсь, пассажирка будетъ вѣчно торчать на верху при такихъ кавалерахъ... Только вахтенному станетъ мѣшать!

Посматривали, разсыпавшись у бортовъ, и матросы на приближавшійся катеръ.

А въ это время боцманъ Матвѣевъ обходилъ клиперъ и въ полголоса говорилъ матросамъ:

— Смотри же ребята, чтобы, значитъ, худаго слова ни Боже ни... А не то я васъ...

И боцманъ заканчивалъ, правда, довольно тихо, угрозами, сопровождая ихъ самыми «худыми» словами.

— Сигнальщикъ! Доложи капитану, что катеръ съ консуломъ пристаетъ къ борту!— крикнулъ стоявшій на вахтѣ красивый блондинъ Баклановъ. Фалгребные на верхъ! — скомандовалъ онъ затѣмъ и, молодцовато сбѣжавъ съ мостика, пошелъ для встрѣчи гостей.

Въ ту же минуту наверху появился капитанъ и, слегка сгорбившись, умышленно неторопливой, лѣнивой походкой направился къ парадному трапу. Своимъ недовольнымъ, сумрачнымъ видомъ, своей походкой онъ словно хотѣлъ соблюсти свой капитанскій престижъ и показать передъ офицерами, что пріѣздъ пассажирки не только нисколько его не интересуетъ, но какъ будто даже и не особенно пріятенъ.

Между тѣмъ катеръ, сдѣлавъ поворотъ,

лихо присталъ къ борту. Паруса мигомъ слетѣли, и «Васенька», разгорѣвшійся отъ волненія, бросилъ руль и предложилъ своимъ пассажирамъ выходить. Черезъ нѣсколько секундъ на палубу, въ числѣ другихъ гостей—пожилой консульши и ея мужа—легко и граціозно спустилась по маленькому трапу молодая пассажирка.

IV.

Хотя увлекающійся мичманъ и сильно преувеличилъ красоту пассажирки въ своихъ безумно-восторженныхъ диѳирамбахъ, — тѣмъ не менѣе она дѣйствительно была очень недурна собой, эта стройная, изящная, ослѣпительно свѣжая блондинка, небольшаго роста, съ карими глазами и свѣтло-золотистыми волосами, волнистыя прядки которыхъ выбивались на лобъ изъ-подъ маленькой «панамы» съ короткими, прямыми полями, скромно украшенной лишь черной лентой.

Было что-то необыкновенно привлекательное въ тонкихъ чертахъ этого маленькаго, выразительнаго, умнаго личика съ нѣжными, отливавшими румянцемъ, щеками, капризно приподнятымъ красивымъ носомъ, тонкими алыми губами и закругленнымъ подбородкомъ съ крошечной родинкой. Особенно мила была

улыбка: ласковая, открытая, почти дѣтская. Но взглядъ блестящихъ карихъ глазъ былъ далеко не «ангельскій», какъ увѣрялъ Цвѣтковъ. Напротивъ. Въ этомъ, повидимому, спокойно-привѣтливомъ, ясномъ взорѣ какъ будто прятался насмѣшливый бѣсенокъ и чувствовалась кокетливая увѣренность хорошенькой женщины, сознающей свою привлекательность и избалованной поклонниками.

Пассажирка была вся въ черномъ, что̀, впрочемъ, очень шло къ ней, оттѣняя поразительную бѣлизну ея лица. Тонкая, изящная жакетка съ небольшими отворотами обливала ея гибкій, крѣпкій станъ, обрисовывая тонкую талію и красивыя формы хорошо развитаго бюста. Бѣлоснѣжный отложной воротничекъ манишки, повязанный фуляромъ, не закрывалъ красивой, словно выточенной изъ мрамора шеи. На груди алѣла бутоньерка изъ розъ. Недлинная шелковая юбка позволяла видѣть маленькія ноги въ изящныхъ кожаныхъ ботинкахъ. Все сидѣло на ней красиво и ловко, все до мелочей было полно изящнаго вкуса. И сама она, удивительно моложавая и цвѣтущая, хорошо сложенная, видомъ своимъ скорѣй походила на молодую дѣвушку, чѣмъ на тридцатилѣтнюю вдову, пережившую тяжелое горе.

Она шла по шканцамъ увѣренной, легкой походкой, рядомъ съ немолодой, пестро одѣтой, молодившейся, полной консульшей, привѣтливо отвѣчая на почтительные поклоны офицеровъ и, казалось, не замѣчая любопытныхъ, полныхъ восхищенія, взглядовъ, устремленныхъ на нея.

Капитанъ, съ обычной рыцарской галантностью моряковъ, встрѣтившій дамъ у трапа съ обнаженной головой и любезно ихъ привѣтствовавшій, красный и вспотѣвшій, торжественно улыбаясь какъ на удачномъ адмиральскомъ смотру, выступалъ около дамъ, стараясь подтянуть животъ, съ горделиво-покровительственнымъ видомъ индѣйскаго пѣтуха, сопровождая ихъ въ капитанскую каюту. По дорогѣ пришлось останавливаться, чтобы представить пассажиркѣ старшаго офицера, доктора, батюшку и нѣсколькихъ офицеровъ, находившихся вблизи.

Степанъ Дмитріевичъ молодецки шаркнулъ своей толстой, короткой ножкой, снимая фуражку и наклоняя бѣлобрысую голову съ зачесанной лысиной, и выразилъ свое удовольствіе встрѣтить соотечественницу «подъ небомъ Америки». Затѣмъ старшій офицеръ метнулъ въ пассажирку значительнымъ взглядомъ своихъ маленькихъ, уже замаслившихся

глазокъ и, выпятивъ грудь и закручивая усы, подошелъ къ консульшѣ. Чистенькій, свѣженькій, кругленькій докторъ немножко сконфузился, и все его пухлое лицо расплылось въ улыбку. Онъ проговорилъ: «очень пріятно» и далъ мѣсто молодому батюшкѣ, іеромонаху Евгенію, который почему-то вдругъ покраснѣлъ и застѣнчиво молчалъ, пока капитанъ не вывелъ отца Евгенія изъ неловкаго замѣшательства, подозвавъ двухъ гардемариновъ, которыхъ и представилъ пассажиркѣ. И эти двое молодыхъ людей и еще представленные офицеры безмолвно кланялись, но ихъ лица и безъ словъ говорили, что молодымъ морякамъ очень пріятно было познакомиться съ такой хорошенькой дамой. Одинъ только «милордъ», въ качествѣ «холоднаго англичанина», изобразилъ на своемъ выбритомъ лицѣ самое ледяное равнодушіе («дескать, ты меня нисколько не интересуешь!») и, отойдя отъ пассажирки, нарочно даже зѣвнулъ съ видомъ скучающаго джентельмена и отвелъ въ сторону взглядъ, хотя ему и очень хотѣлось посмотрѣть на пассажирку, въ которой онъ не находилъ «ни-че-го о-со-бен-наго».

Пассажирка съ милой привѣтливостью протягивала свою маленькую ручку въ черной лайкѣ и крѣпко, «по-англійски», пожимала

всѣмъ руки, видимо довольная, что находится среди соотечественниковъ, на плавучемъ оторванномъ уголкѣ далекой родины, и слышитъ вокругъ русскую рѣчь. Она ласковыми глазами взглядывала на матросовъ, разсыпавшихся по палубѣ, и сказала, обращаясь къ капитану:

— Мнѣ просто не вѣрится, что я въ Россіи. Еслибы вы знали, какъ я рада, капитанъ, и какъ благодарна, что вы меня взяли!

И радостная улыбка озаряла ея хорошенькое личико, дѣлая его еще обворожительнѣе.

— Помилуйте, — любезно отвѣтилъ капитанъ,—я счастливъ, что могъ быть вамъ полезнымъ и вообще... вообще... я всегда... Только вы бы не соскучились, Вѣра Сергѣевна, въ морѣ, а мы... мы... Мы-съ употребимъ съ своей стороны всѣ старанія, чтобы вы не скучали...

— Съ такими любезными людьми развѣ можно скучать?.. И наконецъ, я восемь лѣтъ не видала русскихъ, а я вѣдь русская да еще изъ Москвы!—прибавила пассажирка.

— Сердце Россіи!—съ одушевленіемъ произнесъ капитанъ.—А москвички, насколько я встрѣчалъ, премилыя, позволю себѣ замѣтить-съ, дамы. И очень привлекательныя!—прибавилъ съ улыбкой капитанъ въ видѣ тонкаго, по его мнѣнію, комплимента.

— Вы бывали въ Москвѣ?

— Какъ же-съ, имѣлъ это удовольствіе. Она произвела на меня превосходное впечатлѣніе... Этотъ Кремль, радушіе, сердечность!— не безъ горячности проговорилъ капитанъ и незамѣтно скользнулъ взглядомъ по бѣлой, какъ сливки, хорошенькой шейкѣ пассажирки.

— Ишь «глазенапа» запускаетъ!—замѣтилъ кто-то вполголоса въ кучкѣ гардемариновъ, стоявшихъ вблизи, и раздался сдержанный смѣхъ.

Вѣроятно до капитана донеслось это замѣчаніе, потому что онъ вдругъ повернулъ голову, метнувъ свирѣпый взоръ, нахохрился и, не распространяясь болѣе о Москвѣ, заговорилъ съ консульшей.

Увидавъ Цвѣткова, отвѣшивавшаго ей низкій поклонъ, пассажирка ласково кивнула ему головой, какъ знакомому, и сдѣлала нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу.

— Что же вы не пріѣхали за мной, Владиміръ Алексѣичъ, какъ обѣщали?— любезно упрекнула она, протягивая просіявшему мичману руку.

— Нельзя было... Если-бъ я только могъ, Вѣра Сергѣевна!— проговорилъ восторженно мичманъ, весь вспыхивая.

— Васъ задержала служба?

— Какая служба! Просто капитанъ не пустилъ,—улыбаясь замѣтилъ Цвѣтковъ, понижая голосъ.

— Не пустилъ? Почему не пустилъ?

— Это его тайна! — усмѣхнулся Цвѣтковъ. Впрочемъ, и Васенька васъ отлично довезъ... Не правда ли?

— Какой Васенька?

— Ивковъ... Мы всѣ такъ зовемъ этого милаго юношу, который пріѣзжалъ за вами...

— Мы отлично доѣхали... Отлично! — повторила пассажирка и прибавила: — А съ вами мы опять будемъ спорить, какъ вчера, лишь только познакомились... Я люблю такихъ спорщиковъ... Это напоминаетъ мнѣ молодые годы въ Москвѣ... Здѣсь такъ не спорятъ, и я давно такъ не спорила...

— Онъ отчаянный спорщикъ, Вѣра Сергѣевна,—замѣтилъ капитанъ, подходя къ молодой женщинѣ.

— О, я знаю. Вчера ужъ мы поспорили, но, къ сожалѣнію, не докончили спора. Надѣюсь, докончимъ и начнемъ новый? — промолвила, улыбаясь, Вѣра Сергѣевна и отошла съ капитаномъ, пожавъ руку окончательно влюбленному и счастливому мичману.

Сзади дамъ, поминутно останавливавшихся, благодаря представленіямъ пассажиркѣ офи-

церовъ, медленно подвигался консулъ, сухощавый, долговязый и серьезный финлянецъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, оживленно бесѣдовавшій по поводу какихъ то счетовъ съ ревизоромъ клипера.

Въ это же время по другой сторонѣ шканцевъ торопливо проходила, шурша накрахмаленными юбками и повиливая подоломъ, съ опущенными глазами, подъ перекрестными взглядами моряковъ, круглолицая, полнотѣлая, не лишенная миловидности горничная, щеголевато одѣтая въ сѣрой тальмѣ и яркой шляпкѣ, съ мелкими вещами въ рукахъ, сопровождаемая молодымъ вѣстовымъ Цвѣткова, Егоркой, который несъ маленькій баулъ и двѣ картонки съ особенной осторожностью, словно боясь раздавить ихъ въ своихъ грубыхъ рабочихъ рукахъ.

— Сюда пожалуйте, мамзель, — шепнулъ Егорка, щеголяя передъ этой «мамзелистой» горничной своимъ умѣньемъ обращаться съ дамами,—по этому трапу спускайтесь, — указалъ онъ головой на спускъ въ капитанскую каюту. И, спускаясь вслѣдъ за ней по трапу, Егорка обстоятельно любовался широкимъ, полнымъ затылкомъ горничной и ея внушительными формами.

У каюты, передъ буфетной, ихъ встрѣтилъ

Иванъ Чижиковъ, капитанскій вѣстовой, разбитной, молодой чернявый матросъ, съ плутоватыми глазами, съ мѣдной сережкой въ ухѣ, съ коротко остриженной головой, франтовато одѣтый въ бѣлой собственной рубахѣ, съ широкимъ воротомъ, открывавшимъ крѣпкую загорѣлую шею, и въ нитяныхъ перчаткахъ, надѣтыхъ къ парадному обѣду.

— Съ пріѣздомъ! — бойко и весело проговорилъ онъ, улыбаясь глазами и пропуская горничную.

Онъ принялъ отъ Егорки баулъ и картонки и, подмигнувъ ему глазомъ, вошелъ въ каюту.

— И какъ же у васъ здѣсь хо-ро-шо!—протянула горничная слегка пѣвучимъ московскимъ говоркомъ, оглядывая большую, полную свѣта, падающаго сверху черезъ люкъ, капитанскую каюту, съ диванами вокругъ бортовъ, съ блестяще сервированнымъ столомъ, сіявшимъ бѣлизной скатерти, хрусталемъ и цвѣтами.

— Для васъ постарались, — любезно отвѣтилъ Чижиковъ, взглядывая на краснощекое лицо горничной, полное и веселое, съ добродушными сѣрыми большими глазами, напоминавшее лицо деревенской здоровой, пригожей тридцатилѣтней бабы,—потому какъ теперича каюта въ вашемъ полномъ распоряженіи.

Жить здѣсь будете... А какъ дозволите величать васъ?

— Аннушкой.

— А ежели по батюшкѣ?

— Егоровной.

— Такъ доложу вамъ, Анна Егоровна, вещи эти я пока въ спальнѣ сложу... Пожалуйте ихъ мнѣ,—говорилъ вѣстовой, принимая изъ рукъ Аннушки мелкія вещи. Онъ поставилъ ихъ вмѣстѣ съ картонками за альковъ, и продолжалъ:—Потомъ размѣстите, какъ будетъ угодно... А какъ придетъ катеръ съ багажемъ, вы только прикажите, что—куда, мы все, какъ слѣдуетъ, поставимъ и принайтовимъ. Мѣста у насъ много... А что не надо, въ ахтеръ-люкъ спустимъ. Не угодно-ли, Анна Егоровна, полюбопытствовать, какая, значитъ, будетъ ваша квартира?

— Покажите пожалуйста... А васъ какъ звать?

— Иванъ Матвѣевъ Чижиковъ. Вологодскіе будемъ.

— А я московская крестьянка, Иванъ Матвѣичъ.

— Но только вы, можно сказать, вовсе на американскую даму похожи, Анна Егоровна,—подпустилъ комплиментъ вѣстовой.

Аннушка усмѣхнулась съ довольнымъ видомъ и сказала:

— Здѣсь всѣ женщины по-дамски ходятъ, что барыни, что прислуга...

А Чижиковъ продолжалъ:

— Вотъ эта самая каюта въ родѣ бытто и залъ, и кабинетъ, и столовая. Тутъ капитанъ занимается: лепорты пишетъ въ Россію, какъ, молъ, по морямъ ходимъ, на картѣ путь со штурманомъ прокладываютъ—куда и какъ, значитъ, плыть клиперу по наблюденію солнца секстантомъ. Тутъ и обѣдаетъ. У насъ завсегда два офицера къ обѣду приглашаются... Здѣсь вотъ спальная,—объяснялъ вѣстовой, раздвигая шелковый альковъ, открывшій небольшую, освѣщенную бортовымъ иллюминаторомъ каюту, застланную пушистымъ ковромъ по полу и увѣшанную коврами по борту, къ которому прилегала койка,—съ роскошными шифоньеркой, коммодомъ, умывальникомъ и зеркаломъ,— ваша генеральша будетъ почивать.

— Генеральша? Моя барыня точно генеральская дочь, но мужъ ейный былъ американскій анжинеръ... Здѣсь-то и совсѣмъ почти генераловъ нѣтъ, не то, что въ Россіи.

— А сказывали: американская генеральша!.. Тутъ вотъ рядомъ сбоку ванная, ежели пожелаете, примѣрно, скупаться по жаркости...

— Славно у васъ... Ровно какъ въ городѣ...

— Нельзя... командирское званіе!—не безъ достоинства замѣтилъ Чижиковъ.—А вотъ для васъ каютка, Анна Егоровна,—продолжалъ вѣстовой, уводя Аннушку изъ капитанской каюты и указывая на крошечную каютку, сейчасъ за дверью, у трапа.—Тѣсновато маленько, Анна Егоровна. Мнѣ-то, по матросскому моему званію, привычное дѣло, а вамъ, при вашей, можно сказать, деликатности, не такое бы слѣдовало помѣщеніе.

Аннушка ласково усмѣхнулась, взглядывая на обходительнаго, любезнаго вѣстоваго, говорившаго ей комплименты, и замѣтила, смѣясь.

— Не барыня—потѣснюсь. Всяко жили.—А вы со своимъ бариномъ какъ же?

— А мы наверху, въ «рубкѣ». Надо, говоритъ, дамамъ уваженіе сдѣлать и «постѣснироваться». Онъ у насъ, Анна Егоровна,—конфиденціально сообщалъ Чижиковъ, улыбаясь своими плутоватыми глазами,—даромъ что человѣкъ старый и грузный, а очень почитаетъ женскій полъ. Съ мужчинами, ежели по службѣ, прямо сказать: зубастая щука, а съ вашей, примѣрно, сестрой—въ родѣ бытто теленка... А я, значитъ, Анна Егоровна, назначенъ къ вамъ, буду приходить сюда справлять свою часть: накрыть на столъ, подавать кушать, все, какъ слѣдоваетъ.

— Я вамъ помогать стану,—добродушно промолвила Аннушка.

И, войдя въ каютку, она сняла шляпку и стала-было снимать тальму, какъ вѣстовой помогъ ей, подхватилъ плащъ и повѣсилъ на крючокъ.

— Благодарствуйте!

Аннушка оправила свое праздничное яркое шерстяное платье, обрисовывавшее крупныя формы ея полной высокой фигуры, и медленно, съ серьезнымъ лицомъ, стала креститься на маленькій образокъ, висѣвшій въ углу.

Затѣмъ она присѣла на койку и, радостно вздохнувъ, сказала:

— И какъ же я рада, что Господь привелъ возвращаться въ Россію да со своими встрѣтиться. Совсѣмъ на чужой сторонѣ стосковалась. Кабы не жаль было барыни, кажется давно-бы убѣжала.

— Все въ Америкѣ жили?—спрашивалъ Чижиковъ, стоя у порога и покручивая усы и въ то же время чутко прислушивающійся, не идетъ-ли капитанъ съ гостями.

— Въ Америкѣ.

— Сторона, сказываютъ, вольная.

— Вольная то вольная, и живутъ люди чисто, и обращеніе учтивое, особливо съ нашей сестрой, а все чужая сторона... Къ своимъ

такъ и тянетъ... Батюшка съ матушкой да сестры съ братомъ въ деревнѣ живутъ и повидать ихъ жду не дождусь... Какъ пріѣдемъ, сейчасъ отпрошусь у барыни въ деревню погостить.

— А барыня, значитъ, добрая?..

— Добрая... И меня на волю отпустила и исхлопотала за батюшку у своего брата... Отецъ-то ейный померъ...

— Нонче и всѣмъ скоро воля выйдетъ,— замѣтилъ Чижиковъ и спросилъ:—А вы, Анна Егоровна, по-*ихнему* говорить умѣете?

— Научилась. Восемь лѣтъ здѣсь жили.

— Ишь ты! Поди трудно научиться?

— Вовсе не трудно.

— Однако пока прощайте, Анна Егоровна. Господа, кажется, идутъ! А я вамъ сюда подамъ... маленькій столикъ накрою. Какого вина прикажете: краснаго или бѣлаго?

— Все равно... Вы не безпокойтесь, Иванъ Матвѣичъ.

— Очень даже лестно для васъ услужить, а не то, что безпокойство, Анна Егоровна!— проговорилъ Чижиковъ, бросая выразительный взглядъ на Аннушку, и перешелъ въ буфетную—напротивъ.

А Аннушка, закрывъ дверь, достала изъ своего мѣшка зеркальце, гребень и щетку и,

повѣсивъ зеркальце на гвоздикъ, поглядѣлась въ него и, оправляя свои темнорусые густые волосы, усмѣхнулась не безъ кокетства.

Черезъ нѣсколько минутъ гости съ капитаномъ спустились въ каюту.

— Вотъ-съ ваше помѣщеніе, Вѣра Сергѣевна,—проговорилъ капитанъ.—Вы здѣсь полная хозяйка.

Пассажирка восхищалась каютой и благодарила.

Капитанъ помогъ дамамъ снять ихъ жакетки, принялъ шляпки и вообще былъ необыкновенно любезенъ. Когда ровно къ шести часамъ собрались приглашенные къ обѣду: старшій офицеръ, докторъ, «милордъ» и гардемаринъ «Васенька»,—капитанъ повелъ дамъ къ маленькому столу, уставленному закусками, и пригласилъ ихъ, «по русскому обычаю, закусить».

— Вѣра Сергѣевна... Чего прикажете? Вы, чай, отвыкли отъ нашихъ порядковъ... Позвольте вамъ икры положить! Русская икорка!

За обѣдомъ онъ сидѣлъ между дамами и угощалъ ихъ съ хлѣбосольнымъ радушіемъ. Онъ любилъ покушать, и столъ и вина у него были хорошіе. Самъ капитанъ за обѣдомъ занималъ больше пассажирку къ вящей досадѣ Степана Дмитріевича, который принуж-

день былъ занимать консульшу и только могъ глазами пожирать хорошенькую блондинку. Докторъ и ѣлъ за обѣ щеки, и посматривалъ на пассажирку, и разсказалъ какой-то забавный анекдотъ. «Милордъ»,напустившій на себя безстрастность, солидно бесѣдовалъ съ консуломъ и подливалъ ему вина. Одинъ лишь юный Васенька все время застѣнчиво краснѣлъ, не раскрывая рта и не смѣя поднять глазъ на Вѣру Сергѣевну. Онъ раньше изрѣдка украдкой взглядывалъ на нея и, встрѣтивъ разъ ея взглядъ, зардѣлся, какъ маковъ цвѣтъ, уставился въ тарелку и больше не рѣшался смотрѣть.

Къ концу обѣда, когда подали жаркое съ брусничнымъ вареньемъ, вывезеннымъ еще изъ Россіи, и Чижиковъ разлилъ шампанское, капитанъ, совсѣмъ размякшій отъ ѣды, вина и присутствія хорошенькой женщины, предложилъ тостъ за милыхъ дамъ и потомъ отдѣльно за «пассажирку». При этомъ онъ произнесъ короткій спичъ, въ которомъ пожелалъ, чтобы плаваніе было благополучное и чтобы Вѣра Сергѣевна, вернувшись въ Россію, не поминала его лихомъ.

Всѣ чокались другъ съ другомъ. Веселый и ставшій необыкновенно добродушнымъ, капитанъ, глаза котораго съ начала обѣда имѣли

слегка телячье выраженье, предложилъ, обращаясь къ пассажиркѣ, тостъ за Москву и, еще разъ чокаясь, неожиданно спросилъ:

— Васъ укачиваетъ, Вѣра Сергѣевна?

— Кажется, нѣтъ,—отвѣчала она, ставя бокалъ, изъ котораго чуть-чуть хлебнула.

— Ну, тогда вамъ нечего бояться!—радостно воскликнулъ капитанъ, втайнѣ довольный, что пассажирка не будетъ «лежать въ лежку» и, слѣдовательно, ее можно будетъ видѣть.—Вы вѣдь уже окрещены... Разъ переплывали океанъ... Ей-Богу, онъ не страшенъ, совсѣмъ не страшенъ... Да и нашъ «Коршунъ» доброе судно!—любовно прибавилъ капитанъ.—Отлично штормы выдерживаетъ. Помните, Степанъ Дмитричъ, какъ насъ весной трепануло у Сангарскаго пролива?

— Изрядный былъ штормяга!—подтвердилъ и старшій офицеръ.

— А «Коршуну» хоть бы что... Только катеръ потеряли...

Эти воспоминанія, пріятныя для моряковъ, не особенно были пріятны для пассажирки, но она ничѣмъ не выдала охватившаго ее безпокойства и съ внимательной улыбкой слушала, когда капитанъ сталъ разсказывать въ подробностяхъ объ этомъ «дьявольскомъ штормѣ».

Старшій офицеръ посматривалъ украдкой на пассажирку взглядомъ, полнымъ восторга и «прованскаго масла», и въ умѣ рѣшилъ, что за ней слѣдуетъ серьезно «пріударить». Она вполнѣ отвѣчала его эстетическимъ требованіямъ. И въ головѣ его, не совсѣмъ свѣжей послѣ бордо, портера, хереса, портвейна и шампанскаго, смутно бродили даже смѣлыя мысли на счетъ того, что недурно бы предложить ей руку и сердце. Она будетъ жена хоть куда. И хороша собой, и такая аппетитная, чортъ возьми, и пріобрѣла житейскій опытъ—не какая-нибудь молодая дѣвченка— и, видно, съ умомъ бабочка... Надо покороче ее узнать и... куда ни шло... Она, конечно, не откажетъ!—горделиво подумалъ Степанъ Дмитріевичъ, совершенно забывая въ эту минуту о четырехъ отказахъ, уже благополучно скушанныхъ имъ и все-таки не поколебавшихъ въ немъ увѣренности въ своей неотразимости.

Замѣтилъ ли онъ, что разсказъ капитана о штормѣ не особенно пріятно дѣйствуетъ на пассажирку или просто хотѣлъ пріободрить ее, но только онъ проговорилъ, по окончаніи разсказа, обращаясь къ пассажиркѣ:

— Я увѣренъ, что наше плаванье будетъ превосходнымъ... И никакихъ штормовъ не будетъ...

— Отчего это?—спросила пассажирка.

— Вы принесете намъ счастье, Вѣра Сергѣевна...

И докторъ сказалъ что-то утѣшительное. И капитанъ замѣтилъ:

— Теперь время самое благопріятное... Какіе штормы!

Пассажирка, тронутая этимъ общимъ вниманіемъ, повидимому, самымъ безкорыстнымъ, улыбалась въ отвѣтъ, и ея лицо, казалось, говорило:

— «Какіе простые и добрые люди эти моряки!»

А пока шелъ обѣдъ, Цвѣтковъ малодушно нѣтъ-нѣтъ да и заглядывалъ черезъ открытый, задернутый флагомъ, люкъ капитанской каюты и любовался блондинкой, чувствуя себя на седьмомъ небѣ при воспоминаніи объ ея любезной привѣтливости.

И онъ ходилъ по палубѣ, досадуя, что обѣдъ тянется такъ долго, и мечталъ. Мечты уносили его далеко. Онъ грезилъ, что «Коршунъ» вдругъ потерпитъ крушеніе. Всѣ погибнутъ. И только она да онъ спасутся на необитаемомъ островѣ.

«Фу-ты, какой я болванъ!»—говорилъ онъ себѣ не безъ нѣкотораго основанія, соображая нелѣпость мечтаній, и смѣялся.

Онъ такъ и не говорилъ въ этотъ вечеръ съ пассажиркой.

Консулъ и консульша, не смотря на искреннія пожеланія Цвѣткова, чтобы они поскорѣй убрались къ чорту, засидѣлись долго, пили чай и уѣхали съ клипера поздно вечеромъ. Вѣра Сергѣевна вышла ихъ проводить и затѣмъ гуляла по палубѣ. Но Цвѣткову нельзя было подойти. Этотъ «толстопузый» не отходилъ отъ нея, за что былъ изруганъ Цвѣтковымъ самымъ безпощаднымъ образомъ, не смотря на свое капитанское званіе. Черезъ четверть часа пассажирка простилась съ капитаномъ и ушла въ каюту.

— Видно нагналъ скучищу, старый чортъ!— промолвилъ Цвѣтковъ не безъ злорадства и продолжалъ гулять по палубѣ.

Но она на выходила.

Въ полночь всѣ, кромѣ вахтенныхъ, спали. Только мичманъ не спалъ въ своей каютѣ и безъ сюртука строчилъ стихи, да вѣстовой Чижиковъ, койка котораго висѣла рядомъ съ койкой Егорки, вполголоса разсказывалъ сосѣду о красотѣ Аннушки, и оба они по временамъ издавали восторженныя восклицанія

На слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, клиперъ снялся съ якоря, вышелъ подъ парами изъ бухты, прошелъ проливъ, поставилъ всѣ

паруса и съ попутнымъ вѣтромъ понесся въ открытый океанъ.

Къ 8 часамъ, къ подъему флага, всѣ офицеры вышли пріодѣтые, веселые и какъ-то особенно настроенные. Присутствіе пассажирки видимо подтянуло всѣхъ. Даже «дѣдушка» былъ въ новенькомъ сюртукѣ.

А когда около полудня чуднаго дня съ высоко поднявшимся солнцемъ, сверкавшимъ съ бирюзовой выси, на палубѣ клипера показалась свѣжая, какъ вешній день, пассажирка, всѣ офицеры одинъ за другимъ поднялись на палубу.

V.

Любезное предсказаніе старшаго офицера Степана Дмитріевича о томъ, что пассажирка принесетъ счастье, повидимому оправдывалось.

Прошло уже десять дней, какъ мы ушли изъ Санъ-Франциско, и все это время плаванье наше дѣйствительно было, на рѣдкость, прелестное. Погода стояла отличная: теплая, безъ угнетающей жары. Солнце ни разу не закрывалось черными, мрачно нависшими тучами или клочковатыми, бѣшено несущимися, зловѣщими облаками и, ослѣпительное, заливая яркимъ блескомъ океанъ, весело сверкало съ далекой высоты чуднаго бирюзоваго неба, по которому двигались, гонимыя воздушнымъ теченіемъ, молочныя перистыя облачки необыкновенно изящныхъ очертаній и прихотливыхъ узоровъ, точно выведенныхъ волшебнымъ рѣзцомъ. По временамъ они нагоняли другъ друга и, соединяясь, представляли со-

бою бѣлоснѣжные фантастическіе города съ церквами, узорчатыми башнями, деревьями,— медленно плывущими по ярко-голубой лазури.

Далекій горизонтъ, куда ни взглянешь, чистъ. Не видно на немъ этого маленькаго издали, темно-сѣраго пятна, быстро выростающаго, по мѣрѣ своего приближенія, въ гигантскій столбъ дождевой шквалистой тучи, яростно несущейся, среди внезапно наступившаго затишья, на судно, благоразумно спѣшившее убрать свои паруса, чтобъ не быть уничтоженнымъ грознымъ шкваломъ.

И самъ загадочный и таинственный дѣдушка-океанъ, вѣя пріятной прохладой и выдыхая ароматъ озона, былъ въ самомъ милостивомъ и благодушномъ настроеніи, какъ бы стараясь оправдать свою далеко не справедливую кличку «Тихаго». Съ ласковымъ рокотомъ, неторопливо и плавно катилъ онъ могучія, свѣтло-синія волны, бережно и покойно, словно добрый пѣстунъ, покачивая на своей мощной, коварной груди маленькій трехмачтовый клиперъ.

И «Коршунъ», стройный и красивый, похожій на птицу съ распущенными гигантскими бѣлыми крыльями, летѣлъ подъ всѣми парусами, имѣя лиселя съ правой, съ ровнымъ попутнымъ, мягкимъ нордъ-вестомъ, узловъ по

девяти въ часъ, съ тихимъ гуломъ разсѣкая воду своимъ острымъ водорѣзомъ и оставляя за кормой слѣдъ въ видѣ серебристой ленты.

Свѣтло, ясно и радостно кругомъ!

— Эка благодать!—говорятъ весело матросы, радуясь и спокойнымъ вахтамъ, и спокойнымъ ночамъ, не прерываемымъ окриками боцмана, призывающаго «всѣхъ на верхъ».—Такъ-то, братцы, плавать еще куда ни шло... Кабы завсегда да такъ!

— Ишь, шельма, какъ высоко забрался... Гляди-кось!—восклицаетъ кто-то.

И матросы безпечно глядятъ вверхъ, гдѣ въ прозрачномъ воздухѣ рѣетъ альбатросъ.

— Рыбки наѣлся и отдыхаетъ

— ..Вонъ, парусокъ—отъ бѣлѣетъ... Должно, купецъ...

— Купецъ и есть... Гличанинъ какой, а то изъ голландцевъ... Привышны они къ морю... Имъ что на сухомъ пути, что на водѣ — все едино.

— Не то, что нашъ братъ, россійскій...

— И пречудесно, господа! Ахъ, какъ пречудесно! — восклицаетъ на бакѣ фельдшеръ Завитковъ среди маленькаго кружка баковой аристократіи: двухъ боцмановъ, подшкипера, баталера и писаря.—Теперь бы только сюда

Анну Егоровну... такъ окончательно одинъ восторгъ... Какъ вы объ этомъ полагаете, Артемій Нилычъ? — обращается фельдшеръ къ боцману Матвѣеву.

— Ну ее къ чертовой... тетенькѣ! Изъ-за ихъ только непріятности!—недовольно промолвилъ боцманъ, которому еще сегодня утромъ попало отъ старшаго офицера за ругань, раздававшуюся на бакѣ во время обычной утренней уборки клипера, когда пассажирки спали, и боцманъ, разсчитывая на ихъ крѣпкій сонъ, далъ полную волю своей артистической импровизаціи.

— А вы, Артемій Нилычъ, ужь потерпите, пока пассажирки. Что дѣлать! — успокаивалъ боцмана фельдшеръ. И напрасно вы на-счетъ Анны Егоровны такъ выражаетесь. Очень она славная дѣвица... Такая бѣлая, разсыпчатая... Одно слово: бельфамистая... И разговоръ у нея деликатный... Сейчасъ видно, что видала людей...

— Съ ней подлецъ Чижиковъ шуры да муры. Все около нее липнетъ въ каютѣ по своей должности. Ловокъ онъ, бестія, насчетъ дѣвокъ. Въ Кронштадтѣ двухъ горничныхъ облестилъ!—не безъ зависти замѣтилъ рябой и некрасивый баталеръ.

— Станетъ она съ вѣстовымъ заниматься,— воскликнулъ фельдшеръ, обижаясь за горнич-

ную. — Она не какая-нибудь кронштадтская чумичка, а понимаетъ обращеніе, съ кѣмъ и какъ... не даромъ взаграницѣ жила. Какая ей компанія вѣстовой!.. На нее и офицеры и гардеманины зарятся... Такъ и сторожатъ, какъ она въ палубѣ покажется, а вы: вѣстовой!? Вчера вечеромъ... смѣху было, — продолжалъ Завитковъ и разсмѣялся.

— А что?

— Поджидалъ этто Анну Егоровну артиллеристъ Евграфъ Иванычъ въ палубѣ, все выглядывалъ изъ своей каюты: не идетъ ли? Думалъ: никто не видитъ, а я притулился за машиной и жду... Отъ фонаря вижу, какъ онъ, весь красный, глаза пялитъ. Ладно. Прошло такъ минутъ съ пять времени, спускается Аннушка съ трапа съ чайникомъ,—за кипяткомъ къ камбузу, — идетъ это тихонько, а онъ ей рукой машетъ. «Не хотите ли, говоритъ, Аннушка, на мою каюту полюбопытствовать. Отличная у меня каюта. Я вамъ, говоритъ, разныя вещицы покажу»...

— Ишь, дьяволъ... «каюту!» Рожа-то у него въ родѣ швабры, а туда же! — воскликнулъ съ веселымъ смѣхомъ боцманъ Матвѣевъ.

— То-то мнѣ и смѣшно было.

— Что́ жъ она, пошла?—нетерпѣливо раздались голоса.

— Не пошла... «Очень, говоритъ, вамъ мерси, но въ каюту несогласна». Такъ Евграфъ Иванычъ только заржалъ отъ отчаянности и захлопнулъ двери.

Веселый смѣхъ надъ пожилымъ артиллеристомъ разразился среди кучки. Всѣ, видимо, были рады неудачному исходу его авантюры.

А фельдшеръ продолжалъ:

— Идетъ, значитъ, Анна Егоровна дальше, какъ къ нѣй, откуда ни возьмись, гардемаринъ Касаткинъ... Тоже, вихрастый, ее сторожилъ.

— Пройдти, черти, не даютъ!

— «Ахъ, какая вы, Аннушка, хорошенькая. Позвольте васъ поцѣловать, упользоваться случаемъ». Это онъ тишкомъ говоритъ, а самъ, не будь дуракъ, облапилъ ее и пробуетъ, значитъ, изъ какой такой матеріи у нея кофточка...

— Ахъ, шельмецъ!

— Она вырываться. «Оставьте, говоритъ, молодой человѣкъ». А Касаткинъ ей: «Простите, говоритъ, очень вы мнѣ нравитесь», и чмокъ, чмокъ, два раза въ шею поцѣловалъ, да и былъ таковъ...

— Ишь ты... отчаянный какой!—съ сочувственнымъ смѣхомъ промолвилъ Матвѣевъ... Будетъ ему отъ капитана, ежели Аннушка да

пожалуется своей барынѣ... Онъ его отчешетъ да на сальникъ (салингъ) на высидку пошлетъ...

— И по дѣломъ: не приставай!—замѣтилъ фельдшеръ.

— А тебѣ, небойсь, завидно?.. Однако, пора и къ водкѣ свистать! Выноси-ка, баталеръ, водку!—сказалъ Матвѣевъ, и аристократы бака разошлись.

Иванъ Ивановичъ съ секстаномъ въ рукѣ уже ловитъ «полдень». Его помощникъ, молодой штурманскій прапорщикъ, отсчитываетъ на часахъ секунды.

— Стопъ!—произноситъ старый штурманъ и машетъ рукой. Въ колоколъ бьютъ «рынду», и всѣ провѣряютъ часы.

А самъ «дѣдушка» въ новомъ люстриновомъ сюртучкѣ, въ сбитой на затылокъ фуражкѣ, торопливо спускается къ себѣ въ каюту, чтобы закончить утреннія вычисленія. Чрезъ пять минутъ все готово. Полуденныя широта и долгота получены. Мы точно знаемъ, въ какой точкѣ земнаго шара находимся и сколько прошли за сутки миль.

Суточное плаваніе отличное. Всѣ довольны, начиная съ капитана и кончая «Васенькой», что мы «отмахали» болѣе двухсотъ миль, что погода отличная, вѣтеръ попутный и что, на-

конецъ, хорошенькая пассажирка часто показывается на палубѣ, что она тутъ, свѣжая, красивая и привѣтливая, одинъ видъ которой доставляетъ морякамъ удовольствіе и держитъ ихъ въ какомъ-то приподнятомъ настроеніи.

И самъ «дѣдушка», въ первые дни ворчавшій, что на клиперѣ пассажирка, приглядѣвшись къ ней, значительно смягчился. Правда, онъ ждалъ всяческихъ исторій въ каютъ-компаніи изъ-за нея (не даромъ Цвѣтковъ уже ходитъ, какъ полуумный, Степанъ Дмитріевичъ ежедневно душится, а капитанъ придирается безъ всякой причины къ молодымъ офицерамъ),—но находилъ ее вообще «молодцомъ-дамой». Ее не укачиваетъ, держитъ она себя просто и умно, безъ всякихъ, какъ онъ выражался, «цирлихъ-манирлиховъ» и «не разводитъ антимоніи», какъ вообще дамы, любящія изображать изъ себя «разварную лососину».

Вслѣдствіе такого отношенія къ пассажиркѣ, Иванъ Ивановичъ каждый день докладывалъ ей о пройденномъ разстояніи.

И сегодня, выйдя изъ капитанской рубки, гдѣ провѣрилъ хронометры, онъ подошелъ къ пассажиркѣ. Она сидѣла на ютѣ, подъ тентомъ, въ лонгъ-шезѣ, одѣтая въ легкое сѣрое платье, съ морской шапочкой на бѣлокурой головкѣ. Офицеры завтракали. Она была одна

и читала книгу. Красивый блондинъ Баклановъ, стоявшій на вахтѣ, шагалъ по мостику, поглядывая на молодую женщину, но спуститься и заговорить не смѣлъ. Того и гляди появится капитанъ—и тогда разносъ. Ужъ было этихъ исторій!

— Съ добрымъ утромъ, Вѣра Сергѣевна!

— Здравствуйте, Иванъ Иванычъ!—радостно отвѣтила она «дѣдушкѣ», протягивая маленькую изящную бѣлую ручку съ обручальнымъ кольцомъ на третьемъ пальцѣ и бирюзой на крохотномъ мизинцѣ,—которую онъ почтительно пожалъ въ своей морщинистой широкой лапѣ.

Ей очень нравился этотъ славный добрякъ Иванъ Ивановичъ, простой и безхитростный, относившійся къ ней всегда сердечно и ласково, безъ ухаживаній, и она всегда рада была, когда онъ подходилъ къ ней сообщать о пройденномъ разстояніи.

— Сколько, Иванъ Ивановичъ, прошли... Двѣсти или больше?

— Двѣсти двадцать двѣ мильки-съ пробѣжали, Вѣра Сергѣевна... Отлично идемъ... Погода—прелесть, чтобъ не сглазить! И подлинно вы намъ счастіе принесли, Вѣра Сергѣевна...

— И вы комплименты стали говорить, до-

брѣйшій Иванъ Ивановичъ?.. Съ какихъ это поръ? Вѣдь вы, кажется, не любите дамъ на кораблѣ?—прибавила съ лукавой улыбкой молодая женщина.

«Дѣдушка» нѣсколько смутился.

— А ужъ вамъ разболтали наши молодцы? Экія сороки! Что-жъ, скрывать не стану-съ, Вѣра Сергѣевна... Говорилъ въ этомъ родѣ, точно говорилъ-съ.

— Почему же не любите? Или вы вообще женщинъ не любите?—допрашивала, смѣясь, молодая женщина.

Старый штурманъ запротестовалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ такого обвиненія.

— Что вы, что вы, Вѣра Сергѣевна! За что мнѣ не любить дамъ? У меня въ Кронштадтѣ и свои дорогія дамы остались, жена и двѣ дочери,—съ чувствомъ подчеркнулъ старикъ,—такъ какъ же мнѣ не любить дамъ-съ? Напротивъ, я ихъ очень почитаю и уважаю, особенно такихъ, позволю откровенно сказать, такихъ милыхъ и достойныхъ, какъ вы, Вѣра Сергѣевна! — прибавилъ «дѣдушка» съ рыцарской любезностью.

И, пуская затѣмъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, Иванъ Ивановичъ «забралъ ходу» и продолжалъ:

— Но дамская сфера, такъ сказать, не море, а берегъ-съ. На твердой землѣ, въ полной безопасности,—вотъ-съ ея назначеніе, а не на палубѣ судна... Мало ли что случается въ морѣ? Вотъ теперь, слава тебѣ Господи, все благополучно... Вы сидите себѣ спокойно, васъ не укачиваетъ... да и какая это качка! А какъ вдругъ засвѣжѣетъ, какъ начнетъ трепать-съ? Намъ, морякамъ, ничего. Поставили штормовые паруса и жди, пока штормяга отойдетъ, а дамѣ боязливо, и непріятно, и докучно-съ. Ну, и жалко, очень даже жалко въ такомъ случаѣ даму. Она вѣдь созданіе деликатное... нервы чувствительные... И лежитъ, бѣдненькая... «охъ да охъ»... Смотрѣть больно... Въ этомъ смыслѣ я и говорилъ... Повѣрьте, милая барыня... И, наконецъ, дама дамѣ рознь...

Разумѣется, пассажирка «повѣрила» и поблагодарила Ивана Ивановича за доброе о себѣ мнѣніе, и «дѣдушка», поболтавъ еще нѣсколько минутъ, отошелъ отъ молодой женщины, вполнѣ увѣренный, что «заговорилъ ей зубы» и что она не знаетъ истинной причины его нелюбви къ дамѣ на кораблѣ.

Не говорить же ей, въ самомъ дѣлѣ, что всѣ наши ребята, какъ коты по веснѣ, ошалѣлые бѣгаютъ. Сама можетъ догадаться...

Видитъ, какъ за ней увиваются всѣ, начиная съ капитана!

«А прехорошенькая! Не даромъ всѣхъ съ ума свела. Прехорошенькая дамочка! И вся такая бѣляночка!» — усмѣхнулся про себя Иванъ Ивановичъ.

И старый штурманъ, вообще степенный и строгихъ правилъ человѣкъ, котораго никогда не видали на берегу въ обществѣ «космополитокъ-дамъ» или туземныхъ разноцвѣтныхъ красавицъ, неожиданно смутился и сердито крякнулъ, точно прочищая горло. Цѣломудріе его было оскорблено. Глупыя мысли на-счетъ пассажирки полѣзли въ его старую голову. Онъ покраснѣлъ и нахмурился.

— Э-э-э-э! И вы, дѣдушка, того?... Иду я изъ лазарета и вижу, — заговорилъ докторъ, хитро улыбаясь маленькими глазками.

Дѣдушка совсѣмъ смутился и, досадуя на свое смущеніе, съ напускнымъ равнодушіемъ спросилъ:

— Что-жъ вы такого видѣли, Антонъ Васильичъ?

— И вы начали пріударять за пассажиркой, а?

Иванъ Ивановичъ испуганно повернулъ голову. Докторъ говорилъ такъ громко, что пассажирка могла услыхать. По счастью ея не было.

— Скрылась, скрылась... Сію минуту съ капитаномъ ушла завтракать... Отравитъ онъ ей завтракъ своими старыми анекдотами... Ишь вѣдь какъ вы любезничали съ барынькой... хе-хе-хе. Ловко! Представляется женоненавистникомъ, а самъ...

— Да полно вамъ врать вздоръ, Антонъ Васильичъ. Это мичманамъ да развѣ такимъ саврасамъ, какъ вы, впору любезничать, а не мнѣ... Я просто сказалъ ей, сколько мы прошли миль. Только и разговору было.

— Разсказывайте, разсказывайте, Иванъ Иванычъ... Видѣлъ я... Вѣдь пассажирочка-то преаппетитная... И ручки, и ножки, и бюстикъ... Не бойсь, дѣдушка, и вы молодость вспомнили... Глазенапа-то запускали на бѣлоснѣжную шейку?... Признавайтесь...

— Тьфу, безстыдникъ... А еще женатый! Вотъ, вернемся, женѣ скажу!

— А что-жь, говорите... Грѣхъ развѣ любоваться на чужой товаръ?

— Ну васъ... Отстаньте!—сердито проговорилъ старый штурманъ и поспѣшно спустился внизъ, слыша сзади веселый, мелкій смѣхъ циника-доктора.

«И впрямь саврасъ»! — мысленно обругалъ доктора возмущенный дѣдушка, и сердитый, молча садится въ каютъ-компаніи завтракать,

предварительно выпивъ объемистую рюмку джина.

Всѣ, исключая механика да батюшки, торопятся окончить завтракъ, чтобы выйти на верхъ и поболтать съ пассажиркой, если она выйдетъ на палубу и не будетъ читать, желая избавиться отъ слишкомъ большой внимательности господъ моряковъ. Старшій офицеръ, надушенный такъ, что пахло на всю каюту, торжественно сосредоточенъ. За эти десять дней онъ рѣшительно пришелъ къ заключенію, что ему слѣдуетъ сдѣлать попытку предложить руку и сердце. Онъ во всякомъ случаѣ «партія недурная». Человѣкъ съ положеніемъ въ нѣкоторомъ родѣ, офицеръ на виду. Черезъ годъ вернется, навѣрное сдѣлаютъ командиромъ. Глупо было бы отказать! Онъ все настойчивѣе думалъ объ этомъ рѣшительномъ шагѣ, нерѣдко восхвалялъ пассажиркѣ прелести семейнаго счастья и затруднялся: устно или письменно сообщить ей о своемъ великодушномъ намѣреніи.

«Положимъ, — разсуждалъ онъ, мечтая о бракѣ съ хорошенькой вдовушкой, — она покамѣсть не только не дѣлаетъ никакихъ авансовъ, но даже довольно равнодушно слушаетъ его и подъ-часъ даже подсмѣивается, но, быть можетъ, это одна женская дипло-

матія! Знаемъ мы женщинъ, слава Богу!— самодовольно усмѣхался при этомъ Степанъ Дмитріевичъ. Правда, она со всѣми одинаково любезна и привѣтлива, всегда умѣетъ какъ-то ловко отклонить слишкомъ восторженные комплименты (Степанъ Дмитріевичъ это на себѣ испыталъ), но не тонкое ли это кокетство?... Она въ нѣкоторомъ родѣ дьяволенокъ эта вдовушка. Съ ней надо ухо востро... И не для отвода ли глазъ она часто споритъ съ этимъ влюбленнымъ мальчишкой, легкомысленнымъ Цвѣтковымъ, играетъ съ нимъ въ четыре руки и заставляетъ его читать ей вслухъ. Вѣдь не можетъ же ей нравиться такая взбалмошная таранта! А онъ-то, чего добраго, воображаетъ, что побѣдилъ пассажирку. Вотъ-то попалъ пальцемъ въ небо!» заносчиво думалъ Степанъ Дмитріевичъ и, припомнивъ это, не безъ досадливаго чувства, взглянулъ теперь на курчаваго, красиваго мичмана, который разсѣянно, видимо чѣмъ-то взволнованный, лѣниво ковырялъ вилкой.

Въ свою очередь и влюбленный мичманъ про себя посмѣивался надъ ухаживаніемъ Степана Дмитріевича и полагалъ, кажется, не безъ нѣкотораго основанія, что человѣкъ, у котораго «рожа въ родѣ мѣдной кострюльки», «толстыя ноги колесомъ» и вдобавокъ во-

ображающій себя красивымъ мужчиной, — едва ли можетъ обратить на себя какое-нибудь вниманіе такой умницы и такой изящной женщины, какъ Вѣра Сергѣевна. Его раздражалъ и возмущалъ не этотъ «брамъ-брасъ» Степанъ Дмитріевичъ, а «хлыщъ» и «нахалъ» Баклановъ. Вотъ кто терзалъ до глубины души ревниваго мичмана! Какъ онъ на нее нахально смотритъ своими большими голубыми глазами, ска-а-а-тина! Какъ онъ смѣетъ такъ смотрѣть на нее, мер-за-вецъ! Онъ отъ всей души ненавидитъ этого спокойнаго, самоувѣреннаго, красиваго блондина, особенно со вчерашняго вечера, когда Баклановъ пѣлъ въ каютъ-компаніи романсы, и пассажирка долго слушала и хвалила его «бархатный баритонъ». А онъ обрадовался—давай еще и еще... И все больше t'amo, t'amo... подлецъ этакій!

Бѣдный мичманъ рвалъ и металъ. Онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ за эти дни отъ безсонныхъ ночей, посвящая ихъ неистовому строченію самыхъ лирическихъ стиховъ, и по временамъ такъ свирѣпо на всѣхъ глядѣлъ, точно сейчасъ готовъ въ ссору. Вдобавокъ и капитанъ къ нему придирался,—то и дѣло разносилъ...

Съ товарищемъ и пріятелемъ «милордомъ» у нихъ стали тоже натянутыя отношенія.

Еще бы! Цѣдилъ, цѣдилъ: «ничего особеннаго», дѣлалъ видъ, что не обращаетъ на пассажирку никакого вниманія, а теперь не отходитъ отъ нея, старается острить... думаетъ: умно... болванъ этакій!.. А еще женихъ... Клялся, что любитъ по гробъ свою невѣсту, а самъ... Рыжая каналья!

Нѣтъ, всѣ они циники, всѣ съ подлѣйшей стороны смотрятъ на женщину и не понимаютъ, что можно любить благоговѣйно, безкорыстно, не бывши любимымъ... Одинъ только онъ любитъ ее святой чистой любовью.

— Ты что это, сэръ, въ видѣ рыцаря печальнаго образа? Или капитанъ призывалъ въ рубку? Разнесъ опять?—спросилъ, процѣживая лѣниво слова, «милордъ».

— А тебѣ что?—рѣзко спросилъ мичманъ, и въ его черныхъ глазахъ блеснулъ огонекъ.

— Ровнешенько ничего.

— Такъ чего ты спрашиваешь?

— Простите-съ, не буду!—иронически промолвилъ «милордъ» и благоразумно умолкъ.

«Дѣдушка» безпокойно взглянулъ на Цвѣткова и покачалъ головой, словно бы хотѣлъ сказать: «Начинается»!

Взглянулъ и Степанъ Дмитріевичъ на мрачную физіономію обыкновенно веселаго и жизнерадостнаго мичмана и, чтобы отвлечь его

отъ «милорда», заговорилъ о чемъ-то съ нимъ.

Завтракъ быстро оконченъ. Всѣ уходятъ наверхъ. Въ каютъ-компаніи остаются только дѣдушка, допивающій свой стаканъ краснаго вина, отецъ Евгеній, механикъ въ новомъ сюртукѣ и Цвѣтковъ. Наконецъ батюшка и механикъ ушли отдохнуть, и старый штурманъ съ молодымъ человѣкомъ остались одни.

VI.

тхлёбывая небольшими глотками вино, дѣдушка украдкой участливо взглядывалъ на мрачно-задумавшагося Цвѣткова и, наконецъ, мягко спросилъ:

— Что вы, батенька, надулись, какъ мышь на крупу? Или, въ самомъ дѣлѣ серьезныя непріятности съ капитаномъ?

— Ну его... капитана, чортъ съ нимъ! Пусть придирается.,

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Не могу я, дѣдушка, терпѣть болѣе этого скотства, вотъ въ чемъ дѣло, если вы хотите знать!—порывисто воскликнулъ, встряхивая своей кудрявой головой, мичманъ, видимо обрадовавшійся случаю излить свое негодованіе передъ единственнымъ на клиперѣ человѣкомъ, не ухаживавшимъ за пассажиркой.

— Какого скотства?—переспросилъ Иванъ

Ивановичъ, удивленно поднимая свои сѣдыя густыя брови.

— Понимаете... этого безобразно-подлаго отношенія къ такой святой женщинѣ, какъ Вѣра Сергѣевна! — возбужденно отвѣчалъ Цвѣтковъ и тотчасъ же вспыхнулъ.

— Гм... Вотъ оно что,—протянулъ старый штурманъ.

— Особенно этотъ нахалъ Баклановъ... Честное слово, я запалю ему, наконецъ, въ морду... Пусть вызываетъ на дуэль... Будемъ стрѣляться... Очень радъ.

— Что вы, что вы, Владиміръ Алексѣичъ? Какъ можно даже говоричь такія слова!— строго замѣтилъ дѣдушка и укоризненно покачалъ головой.—Мы вдали отъ отечества, отъ родныхъ и близкихъ, насъ небольшая горсточка, которая должна избѣгать ссоръ, чтобы вмѣсто плаванія не было каторги, а вы захотѣли дуэлей!? Ужъ вы извините меня, голубчикъ, а я прямо скажу: нехорошо, очень нехорошо-съ! Каково убить товарища или самому быть застрѣленнымъ, причинивъ тяжкое горе роднымъ,—подумали вы объ этомъ? Я, вотъ, сорокъ лѣтъ во флотѣ служу, а не слыхалъ о дуэляхъ на судахъ, слава Богу. Ишь тоже, что выдумалъ: дуэль!? Не ждалъ я отъ васъ этого, Владиміръ Алексѣичъ... Нѣтъ, ба-

тенька, выкиньте скорѣе этотъ вздоръ изъ головы, послушайте искренно-любящаго васъ старика... И съ чего, наконецъ, вы окрысились на Бакланова? Что такого онъ вамъ сдѣлалъ?

— Да какъ-же, разсудите сами... Вы, дѣдушка, можете быть безпристрастны, такъ какъ вамъ Вѣра Сергѣевна не нравится... я хочу сказать, не нравится какъ женщина, и вы... вы... Однимъ словомъ, вы не смотрите на нее, какъ другіе, съ гадкими мыслями...

— Ну, положимъ, не смотрю. Ужь куда мнѣ,—вымолвилъ смущенно старый штурманъ.

— А скотина Баклановъ... Обратите вниманіе, какъ подло онъ на нее глядитъ... Развѣ можно такъ оскорблять порядочную женщину и развѣ не слѣдуетъ проучить подобнаго нахала?

— Только-то и всего? И изъ-за этого вы собираетесь... въ морду и сочинить дуэль!? Ну не сумасшедшій ли вы человѣкъ! — съ улыбкой проговорилъ дѣдушка. Приревновали, значитъ?

— Какое я имѣю право ревновать? Тутъ не ревность...

— Развѣ для ревнивыхъ писанъ законъ? За что же вы собираетесь извести Бакланова, какъ не изъ-за ревности?.. Обезумѣли вы

совсѣмъ, Владиміръ Алексѣичъ, вотъ что́ я вамъ скажу. Видно, втюрились въ пассажирку совсѣмъ съ сапогами?—ласково прибавилъ старый штурманъ.

— То-то и есть, съ сапогами, дѣдушка,— съ виноватымъ видомъ проговорилъ мичманъ.

— Ну и... очень скверно... Впрочемъ, это ваше дѣло, но только зачѣмъ же исторіи заводить? Плавали мы себѣ смирно и дружно два года, никакихъ, слава Богу, исторій не было, и вдругъ... на̀ тебѣ!.. Нѣтъ, милый Владиміръ Алексѣичъ, это не того... не ладно. Вы—человѣкъ добрый и не станете разводить ссоръ... И съ чего вы взяли, что Баклановъ ужъ такъ подло, какъ вы говорите, глядитъ на пассажирку? Просто любуется, какъ и всѣ другіе...: Всѣмъ лестно полюбоваться... А если даже и смотритъ, какъ лисица на виноградъ, ну и Богъ съ нимъ. Пусть! Только глаза просмотритъ!—засмѣялся «дѣдушка».—Небойтесь, Вѣра Сергѣевна умная, она понимаетъ людей, знаетъ, кто чего стоитъ, и все видитъ, хоть и не все говоритъ, потому что нельзя же... дама. И выходитъ, что и ревнуете вы въ пустую. Такъ-то. Успокойтесь-ка да отоспитесь хорошенько, а то совсѣмъ вы, бѣдняга, осунулись...

Эти слова добряка Ивана Ивановича нѣ-

сколько успокоили влюбленнаго мичмана и устыдили его. Онъ далъ слово оставить пока Бакланова въ покоѣ и не затѣвать ссоръ.

— Такъ онъ, по вашему, не нравится Вѣрѣ Сергѣевнѣ?—допрашивалъ мичмамъ.

— Нисколько!—утѣшалъ старикъ.

— Однако... вчера, когда онъ пѣлъ...

— И пусть себѣ поетъ...

Старый штурманъ допилъ стаканъ и вдругъ спросилъ:

— И, скажите на милость, что за надобность такая влюбляться вамъ, батенька, а? На какого рожна?

Цвѣтковъ невольно улыбнулся при этихъ словахъ и не зналъ что̀ отвѣтить.

— Вернемся въ Россію, тогда валяйте себѣ на здоровье, а въ морѣ—не резонъ. Только одно разстройство... Что хорошаго? Вы вотъ совсѣмъ какой-то шалый стали. Къ чему эта канитель? Не обалдѣли же вы до того, чтобы бацнуть предложеніе: «Такъ, молъ, и такъ»... Вѣра Сергѣевна, положимъ, дама достойная, но старше васъ, да и вамъ еще очень рано жениться...

— Что, дѣдушка, года... Не въ этомъ дѣло...

— А въ чемъ же?

— Она не пойдетъ за меня! — грустно̀ вымолвилъ Цвѣтковъ...

— Такъ вы ужъ готовы руку и сердце?— съ досадой воскликнулъ Иванъ Ивановичъ.

— Я жизнь отдамъ за нее, дѣдушка!—восторженно прошепталъ мичманъ.

— И довольно глупо. Очень даже глупо-съ... Жизнь впереди пригодится, а не то, что отдавать ее изъ-за бабы... Не раскисайте, Владиміръ Алексѣичъ, будьте молодцомъ... Ну ее пассажирку... Встрѣтите цѣлую уйму другихъ и снова влюбитесь...

— Нѣтъ, шабашъ! Такой другой не встрѣчу!

И лицо Цвѣткова и тонъ его голоса дышали такой грустью, что старый штурманъ озабоченно взглянулъ на молодаго человѣка и сердито проворчалъ:

— Вы, никакъ, того... въ серьезъ?.. Эхъ, говорилъ я, что не слѣдъ брать бабу на судно! Вотъ одинъ и свихнулся. Того и гляди, какую нибудь штуку выкинетъ...

«Дѣдушка» крякнулъ.

— И выкину, — загадочно протянулъ мичманъ.

— И... срамъ-съ... Возьмите всѣ рифы, а то врѣжетесь со всего хода на мель... Экій вы отчаянный... Какую же вы собираетесь штуку выкинуть... Ужь не бѣжать-ли за пассажиркой въ Россію... Подъ судъ угодно попасть, что ли?..

Интимный разговоръ оборвался. Въ каютъ-компанію, одинъ за другимъ, стали входить офицеры, напрасно поджидавшіе пассажирку на палубѣ. Послѣ завтрака она не выходила на верхъ. Какъ кажется, нескончаемая любезность моряковъ начинала немножко утомлять вдовушку.

VII.

Прелестны были дни, но едва ли не лучше были эти быстро, почти безъ сумерокъ, опускавшіяся надъ клиперомъ ласковыя южныя ночи съ миріадами звѣздъ, ярко мигающихъ съ высокаго темнаго купола. Нѣжной прохладой дышатъ эти чудныя ночи, навѣвая невольныя грезы и наполняя душу безотчетнымъ восторгомъ.

Двѣнадцатый часъ на исходѣ. Жизнь на клиперѣ затихла. Команда и бо́льшая часть офицеровъ спитъ. Вахтенные матросы полудремлютъ у своихъ снастей или чуть слышно, словно бы боясь нарушить тишину этой волшебной ночи, «лясничаютъ», вспоминая, по большей части, про «свои мѣста» на далекой родинѣ. Тихо кругомъ. Океанъ едва ворчитъ, словно въ дремотѣ, да легонько поскрипываетъ, покачиваясь, клиперъ и летитъ во мра-

кѣ, разсыпая вокругъ алмазныя брызги фосфорической воды.

Пробило восемь склянокъ, и Цвѣтковъ торопливо взбѣжалъ на мостикъ, вступая на вахту съ полуночи до четырехъ часовъ. Онъ смѣнялъ «милорда». Бывшіе пріятели, при сдачѣ вахты, не обмѣнялись, какъ бывало прежде, ни словомъ, ни шуткой. Цвѣтковъ ревновалъ и къ милорду, а милордъ, въ свою очередь, злился, что пассажирка, повидимому, оживленнѣе и охотнѣе болтаетъ съ Цвѣтковымъ, чѣмъ съ нимъ, оставаясь совершенно равнодушной и къ его англійской складкѣ, и къ его разочарованному виду, и недостаточно оцѣнивая его остроты и цитаты изъ Байрона. Онъ ли не старался, забывъ даже позорно свою невѣсту, понравиться хорошенькой пассажиркѣ? Онъ ломалъ голову, придумывая что нибудь поумнѣе, вычитывалъ изъ книгъ словечки, въ надеждѣ произвести эффектъ и показаться оригинальнымъ, напускалъ на себя демонизмъ, еще отчаяннѣе корчилъ англичанина и... ноль вниманія. Молодая женщина словно нарочно не замѣчала его оригинальности, раздражая самолюбіе «милорда» до послѣдней степени.

Цвѣтковъ обошелъ клиперъ, повѣрилъ часовыхъ и зашагалъ по мостику, взволнован-

ный и съ такимъ отважнымъ видомъ, будто бы онъ принялъ какое нибудь важное рѣшеніе. Онъ то и дѣло бросалъ тревожные взгляды черезъ освѣщенный люкъ капитанской каюты. Пассажирка еще не спала. Склонившись надъ книгой, сидѣла она за большимъ столомъ, и влюбленный мичманъ могъ только видѣть ея густую золотистую косу. Выйдетъ ли она, передъ отходомъ ко сну, подышать этой дивной ночью? Этотъ вопросъ казался мичману самымъ важнымъ вопросомъ въ подлунной. О, еслибы она только вышла! Онъ готовъ былъ-бы сидѣть цѣлый годъ безъ папиросъ и не съѣзжать на берегъ. «Выйди, выйди!» беззвучно шептали его губы, и онъ обѣщалъ себѣ самому, въ случаѣ ея выхода, дать Егоркѣ пять долларовъ. Если она появится на верху, онъ поговоритъ съ ней наединѣ, безъ помѣхи. Она должна, наконецъ, узнать, какъ безпредѣльна и свята его любовь. До сихъ поръ онъ тщательно скрывалъ свои чувства (такъ ему казалось, хотя его обожаніе къ пассажиркѣ было жирнымъ шрифтомъ напечатано на его лицѣ) и не осмѣливался намекнуть о нихъ. Только разъ, дня два тому назадъ, онъ не удержался отъ искушенія прочитать ей свое стихотвореніе и то сказалъ, что оно написано годъ тому назадъ. Молодая женщина внима-

тельно выслушала и похвалила, не догадываясь, какъ будто, кто этотъ «ангелъ», надѣленный всѣми физическими и душевными совершенствами. Однако, попросила на память листокъ и привела этимъ мичмана въ счастливое состояніе. Теперь онъ скрывать своихъ чувствъ болѣе не можетъ. Онъ весь переполненъ ими, какъ цилиндръ паромъ, и долженъ объясниться, сказать ей... Что сказать,—онъ и самъ въ эту минуту не зналъ. Онъ только всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ и безграничную прелесть этой чудной ночи, и красоту мерцающихъ звѣздъ, и жгучую истому о какомъ-то нечеловѣческомъ блаженствѣ, и неудержимую потребность излить здѣсь, среди океана, при звѣздахъ, свою чистую любовь и готовность немедленно броситься въ морскую пучину, если она скажетъ своимъ чуднымъ груднымъ голосомъ: «Бросьтесь!» Только не проснулся бы этотъ «пузатый чортъ» капитанъ и не подстерегъ бы его разговаривающимъ на вахтѣ съ пассажиркой.

Онъ взглянулъ на рубку. Темно. Вѣрно спитъ старая бестія, отравляющая своими любезностями жизнь пассажирки. Тоже, сороковая бочка, лебезитъ на старости лѣтъ, зафрантилъ. Думаетъ, что его разговоры очень интересны, и всегда, какъ нарочно лѣзетъ, какъ только

увидитъ, что онъ разговариваетъ съ Вѣрой Сергѣевной. Такъ бы и треснулъ его!

«Да... это первая его настоящая любовь, а все прежнее—мимолетныя увлеченія»,—размышляетъ молодой мичманъ, шагая по мостику.—«И какая же однако я былъ свинья!» шепчетъ онъ, когда въ его легкомысленной головѣ одно за другимъ проносятся эти безчисленныя «увлеченія», какъ бы для того, чтобы оттѣнить чистоту, силу и прочность настоящей любви.

«Кузина Нюта... Влюбленъ былъ мѣсяцъ. Думалъ стрѣляться, но кончилъ тѣмъ, что былъ шаферомъ у нея на свадьбѣ. И что хорошаго нашелъ онъ тогда въ этой дѣвченкѣ? Теперь онъ рѣшительно не понималъ... Тридцатилѣтняя супруга кронштадскаго чиновника Софрончикова. «Фу, гадость!» неблагодарно отплюнулся мичманъ, не безъ стыда вспоминая, какъ онъ сжималъ въ объятіяхъ рыхлую, дебелую, съ подведенными глазами, г-жу Софрончикову, которая при каждомъ свиданіи стыдливо вскрикивала: «Ахъ, что я дѣлаю!» и томно требовала клятвъ въ вѣчной любви. И онъ не только давалъ ихъ съ небрежной расточительностью, но еще и поднесъ ей очень трогательные стихи, въ которыхъ сравнивалъ г-жу Софрончикову съ «пышной розой», тогда

какъ по совѣсти ее слѣдовало бы сравнить съ откормленной пулярдкой. Ровно два мѣсяца клялся онъ въ любви «пышной розѣ», пока не поѣхалъ въ день полученія жалованья, т. е. 20 числа, въ Петербургъ и не встрѣтилъ на Гороховой черноглазой брюнетки съ картонкой въ рукахъ, швеи изъ магазина, Кати... Эта была, напротивъ, «лилія», блѣдная и худенькая, и еслибы не случайная и довольно щекотливая встрѣча у Кати съ какимъ-то румянымъ писарькомъ, то... кто знаетъ, сколько времени онъ относилъ бы Катѣ жалованье и деньги, занятыя подъ «небольшіе проценты»... Писарь «открылъ ему глаза» и заставилъ его въ тотъ же день идти обѣдать къ адмиралу Налимову, у котораго была молодая и довольно пригожая жена съ румяными щечками, мятежно вздымавшейся грудью и безпокойными сѣрыми глазами, точно отыскивающими чего-то. Глаза эти ласково смотрѣли на молодаго кудряваго мичмана, особенно ласково, когда старикъ-адмиралъ пошелъ послѣ обѣда вздремнуть, и дня черезъ три легкомысленный мичманъ уже былъ «готовъ». Опять стихи, на этотъ разъ: «Постыла жизнь безъ пылкой страсти», и внезапное негодованіе противъ добряка-адмирала, влюбленнаго въ свою жену, который, вдругъ оказалось, «губилъ чужую

молодость». Черезъ мѣсяцъ совмѣстнаго чтенія и цѣлованія пухлой ручки (на дальнѣйшую «подлость» онъ не рѣшался изъ уваженія къ мужу) великодушное предложеніе развестись съ адмираломъ и выйти замужъ за него, мичмана. Вѣчная любовь и сорокъ три рубля съ полтиной въ мѣсяцъ жалованья къ ея услугамъ. Не угодно-ли?

Какъ ни безпокойно бѣгали глазки адмиральши и какъ ни нравился ей этотъ красивый, жизнерадостный мичманъ, тѣмъ не менѣе она вытаращила на него глаза, какъ на человѣка, только что вырвавшагося изъ сумасшедшаго дома и не понимающаго возможности не только цѣлованія рукъ, но и дальнѣйшаго счастья, безъ катастрофъ и потрясеній семейныхъ основъ. Обидный насмѣшливый хохотъ былъ единственнымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на «дерзкія слова». Результатомъ отказа адмиральши осуществить столь остроумный планъ разжалованья ея въ мичманши было, полное цивическихъ чувствъ, стихотвореніе по адресу молодой адмиральши, закончившее почти ежедневныя, въ теченіи мѣсяца, посѣщенія Налимовыхъ, у которыхъ онъ, не смотря на любовь, за обѣ щеки уплеталъ вкусные обѣды. А тамъ приспѣло назначеніе въ дальнее плаваніе и отпускъ передъ нимъ въ деревню.

«Миссъ Дженни» въ Лондонѣ... Это было что-то ужь совсѣмъ дикое, начавшееся знакомствомъ съ Holborn Casino и едва не кончившееся очень плохо... Онъ чуть было не застрялъ въ Лондонѣ, поселясь съ Дженни и просаживая на нее вторую и послѣднюю тысячу—весь бабушкинъ подарокъ на дорогу. Двѣ цѣлыхъ недѣли пропадалъ онъ въ Лондонѣ, не думая возвращаться на клиперъ, стоявшій въ Гревзендѣ, и еслибъ не товарищи, какимъ-то чудомъ разыскавшіе его въ громадномъ городѣ и уговорившіе ѣхать на клиперъ вмѣсто того, чтобъ попасть подъ судъ за самовольную отлучку и лишиться плаванія, быть бы бычку на веревочкѣ. Но она была такъ чертовски хороша, эта Дженни, съ голубыми глазами, и такъ увѣряла его въ своей безграничной любви, получая отъ него банкноты, что онъ въ тѣ дни не прочь былъ навсегда остаться въ Англіи, хотя бы чистильщикомъ сапогъ.

Въ безпутной головѣ каявшагося мичмана промелькнули затѣмъ: и продавщица перчатокъ въ Шербургѣ, и барышня изъ баръ-рума въ Капштадтѣ, на мысѣ Доброй Надежды, и японка Танасари въ Хакодате, и креолка, жена испанскаго доктора, въ Манилѣ, и роскошная каначка въ Гонолулу и, наконецъ,

маленькая русская засѣдательша въ Камчаткѣ, которымъ онъ на разныхъ языкахъ говорилъ комплименты и если не всегда доходилъ до объясненія, то только потому, что клиперъ уходилъ изъ порта, гдѣ влюбчивый мичманъ воспламенялся, какъ порохъ.

«Все это была ерунда... все это свинство!» еще разъ повторилъ мичманъ, бросая умильный взглядъ черезъ капитанскій люкъ. Только теперь онъ понялъ любовь и чувствуетъ, что значитъ полюбить на вѣки-вѣчные... Ему ничего не надо, онъ не мечтаетъ даже о счастьѣ благоговѣйно поцѣловать эту маленькую изящную ручку. Пусть только *она* позволитъ ему сказать, какъ онъ преданъ ей, вотъ и все, чего онъ хочетъ... Пусть только позволитъ себя любить, и онъ, по возвращеніи въ Россію, непремѣнно поселится въ томъ городѣ, гдѣ будетъ жить Вѣра Сергѣевна. Господи, что это за женщина!? Сравнивать ее съ кѣмъ-нибудь изъ прежнихъ увлеченій—одна профанація...

VIII.

Впередъ смотрѣть!—крикнулъ онъ вполголоса, взглядываясь въ окружающую темноту и вспоминая, что она на вахтѣ.

— Есть, смотримъ!—раздался обычный отвѣтъ часовыхъ съ бака.

Прозвучалъ одинъ ударъ колокола. Прошла склянка (полчаса).

«Она не выйдетъ»,—съ грустью подумалъ мичманъ, посматривая на выходъ изъ капитанской каюты, и вдругъ замеръ...

Маленькая граціозная фигурка пассажирки, словно волшебная тѣнь, показалась на палубѣ и поднялась на мостикъ.

Въ первую секунду мичманъ оцѣпенѣлъ отъ восторга и безъ движенія стоялъ у компаса. Всѣ мысли разомъ выскочили у него изъ головы.

А она приблизилась къ нему совсѣмъ близко, такъ что свѣтъ отъ компаса освѣщалъ ея хорошенькое личико, и спросила своимъ бархатнымъ голосомъ:

— Я не помѣшаю вамъ, Влади[illegible] Алексѣичъ, если нѣсколько минутъ п[illegible]ю на мостикѣ. Капитанъ вѣдь спитъ?—лукаво прибавила она.

Она помѣшаетъ!? Можетъ же придти такая нелѣпая мысль въ голову?

И вмѣсто отвѣта мичманъ глядѣлъ на нее, какъ очарованный.

— Вы... помѣшать?—наконецъ прошепталъ онъ.

Должно быть въ этихъ двухъ словахъ было вложено слишкомъ много экспрессіи, потому что пассажирка съ нѣкоторой тревогой взглянула на молодаго мичмана и, отходя на конецъ мостика, проговорила:

— Здѣсь такъ хорошо... И что за славная ночь!

Она любовалась этой ночью, глядѣла на звѣздное небо, на воду и молчала.

Молчалъ и мичманъ, не спуская глазъ съ пассажирки. Такъ прошло нѣсколько минутъ...

— Спокойной вахты, Владиміръ Алексѣичъ!—вдругъ проговорила молодая женщина, дѣлая движеніе, чтобъ уходить.

— Какъ, вы уже уходите?.. Нѣтъ, ради Бога... еще нѣсколько минутъ... Я долженъ вамъ кое что сказать,—испуганнымъ и взволнованнымъ шепотомъ проговорилъ онъ, подойдя къ краю мостика, гдѣ стояла пассажирка.

— Что такое?—спросила она нарочно беззаботно-веселымъ голосомъ, словно не догадываясь, что можетъ сказать этотъ влюбленный мичманъ, и имѣя доброе намѣреніе этимъ тономъ нѣсколько отрезвить его пылъ. Что Цвѣтковъ влюбленъ въ нее, она замѣтила, конечно, раньше всѣхъ, но его обожаніе было такое чистое и непритязательное, и самъ онъ былъ такой милый, добрый, что пассажирка невольно и сама расположилась къ нему и держала себя съ нимъ съ дружеской простотой, не придавая его увлеченію серьезнаго значенія.

— Простите, Вѣра Сергѣевна... я, конечно, не смѣю спрашивать...

— И все-таки хотите спросить?—смѣясь, перебила пассажирка.—Ну, спрашивайте. Заранѣе прощаю.

— Вамъ... вамъ нравится Баклановъ?—выговорилъ онъ не безъ трагической нотки въ дрогнувшемъ голосѣ.

Пассажирка усмѣхнулась. Ужасно смѣшные

эти господа моряки! Не далѣе какъ на-дняхъ, такой же вопросъ относительно Цвѣткова предложилъ ей Баклановъ, а еще раньше и капитанъ, какъ будто шутя, допрашивалъ: кто изъ офицеровъ ей болѣе всего нравится, и былъ, повидимому, очень доволенъ, когда она дипломатически отвѣтила, что «всѣ вообще и никто въ особенности».

Но она не удержалась отъ кокетливаго желанія подразнить своего поклонника и имѣла неосторожность, въ свою очередь, спросить, засмѣявшись тихимъ смѣхомъ:

— А вамъ зачѣмъ это знать?

Зачѣмъ ему знать? Ему!?

И мичмана, что называется, прорвало. Откуда только брались эти горячія и искреннія, порывистыя и нѣжныя слова любви, которую онъ благоговѣйно кидалъ къ ногамъ божества, не осмѣливаясь, разумѣется, даже и мечтать о какомъ нибудь вознагражденіи. Только бы Вѣра Сергѣевна не сердилась за дерзость его, недостойнаго мичмана Цвѣткова, полюбить такую «святую» женщину и милостиво бы разрѣшила ему любить ее до конца своихъ дней. Безкорыстіе влюбленнаго мичмана было во-истину феноменальное.

Надо думать, что и эта дивная теплая ночь, и тихо рокотавшій океанъ, и яркія звѣзды,

меланхолически мигавшія сверху, и, наконецъ, ревность къ Бакланову значительно способствовали краснорѣчію вдохновенной импровизаціи. Такъ, казалось и ему самому, онъ никогда въ жизни не говорилъ. И если въ эту минуту онъ не могъ сравнить своего признанія съ признаніями г-жѣ Софрончиковой и другимъ, то потому только, что онъ ихъ совершенно забылъ.

«Мраморная вдова», слышавшая-таки, особенно послѣ смерти мужа, лаконически дѣловыя признанія янки и умѣвшая различать звуки страсти, несмотря на свое относительное хладнокровіе и свято чтимую память о мужѣ, невольно поддалась обаянію этой безумно-страстной пѣсни любви среди океана, на узкомъ мостикѣ покачивающагося клипера. И эта пѣснь вмѣстѣ съ теплымъ дыханіемъ ночи словно ласкала ее, подбираясь къ самому сердцу и напоминая, что она еще молода и что жить хочется...

— Послушайте... я разсержусь, если вы еще разъ будете говорить такія глупости,—строго проговорила она, хотя совсѣмъ не сердилась.— Вы немножко увлеклись и вообразили ужъ Богъ знаетъ что... Скоро мы разстанемся, и вы такъ же скоро забудете про свою блажь... Такъ лучше останемся добрыми пріятеля-

ми... Вы вѣдь знаете, что я къ вамъ расположена...

— Такъ вы не вѣрите, что я васъ люблю? Не вѣрите?.. Хотите я сейчасъ докажу?

Какая-то нахлынувшая волна чувствъ вдругъ захлестнула его, наполнивъ душу отчаянной отвагой. Жизнь въ эту минуту, казалось, не имѣла ни малѣйшей цѣны. И онъ, весь охваченный сумасшедшимъ желаніемъ доказать свою любовь, занесъ ногу за поручни.

— Повторите еще разъ, что не вѣрите, и я буду въ морѣ!..

Голосъ Цвѣткова звучалъ восторженной рѣшимостью фанатика.

И онъ и пассажирка—оба въ одно и то же мгновеніе почувствовали, что повтори она слова сомнѣнія, онъ безъ колебанія бросится въ океанъ.

— Вѣрю, вѣрю!—прошептала она, охваченная ужасомъ.

И, схватывая его руку, ласково и нѣжно, взволнованнымъ голосомъ прибавила:

— Боже! Какой вы сумасшедшій!

Она невольно восхищалась этой безумной, чисто славянской выходкой, испытывая въ то же время эгоистически-пріятное чувство женщины, изъ за которой человѣкъ готовъ совершить невозможную глупость. А легко-

мысленный сумасбродъ, счастливый, что теперь не можетъ быть сомнѣнія въ его любви, задержалъ на мгновеніе похолодѣвшую ручку пассажирки въ своей рукѣ и быстро поцѣловалъ ее въ темнотѣ.

И опять спросилъ:

— Отвѣтьте же, Вѣра Сергѣевна. Нравится вамъ Баклановъ?

— Съ чего вы это взяли? Нѣтъ.

— И милордъ не нравится?

— Вотъ нашли...

— Значитъ, никто?—радостно воскликнулъ мичманъ.

— Никто особенно, но вы—больше другихъ, не даромъ мы съ вами пріятели. И останемся, если вы не станете больше дѣлать глупостей... Я очень тронута вашей привязанностью и цѣню ея, но кромѣ дружбы ничѣмъ не могу отплатить вамъ. Простите, милый Владиміръ Алексѣичъ, и не сердитесь... Постарайтесь забыть меня... И что бы могла я дать вамъ?—съ оттѣнкомъ грусти прибавила «мраморная вдова».—Во мнѣ ужъ нѣтъ свѣжести чувства... Мнѣ тридцать лѣтъ, а вы... вы совсѣмъ юный.

Сердиться на нея? Да онъ безконечно счастливъ ея дружбой и больше ему ничего не надо. Развѣ онъ не понимаетъ, что она его

полюбить не можетъ... Но онъ надѣется, что она, по крайней мѣрѣ, не порветъ съ нимъ знакомства и позволитъ ему писать ей и, быть можетъ, напишетъ ему сама... А чтобы забыть ее...

Онъ только усмѣхнулся.

— Очень рада буду получить отъ васъ вѣсточку и отвѣчу вамъ... А пока, что-бы все было по-старому, не правда ли? Вы больше не будете говорить мнѣ о вашей... привязанности... Обѣщаете?

— Вамъ такъ это... непріятно?—спросилъ онъ.

— Не все ли вамъ равно, почему я васъ прошу объ этомъ... Такъ обѣщаете?—шепнула «мраморная вдова» и — показалось Цвѣткову — въ голосѣ ея опять зазвучала грустная нотка.

Онъ конечно обѣщалъ, и пассажирка ушла, позволивъ ему еще разъ поцѣловать свою руку.

Оставшись одинъ, Цвѣтковъ полной грудью крикнулъ:

— Впередъ смотрѣть!

И этимъ радостнымъ крикомъ онъ, казалось, возвѣщалъ океану о своемъ счастьѣ.

Свѣтъ погасъ въ капитанской каютѣ, а пассажирка долго еще не спала. Эта пѣснь

любви все еще звучала въ ея ушахъ, и образъ кудряваго мичмана нѣсколько времени стоялъ передъ ея глазами.

«Какіе влюбчивые, однако, эти моряки!» шепнула она и засмѣялась.

IX.

Прошла еще недѣля. Погода, по прежнему, стояла великолѣпная, но пассажирка стала рѣже показываться наверху, особенно послѣ заката солнца, когда наступали роскошныя южныя ночи, располагающія къ изліяніямъ. Она также видимо избѣгала разговоровъ наединѣ. Исключеніе составлялъ «дѣдушка» Иванъ Ивановичъ.

Для молодой женщины не было, разумѣется, секретомъ, что почти всѣ офицеры неравнодушны къ ней и готовы перессориться изъ-за малѣйшаго предпочтенія, въ видѣ улыбки или ласковаго слова, сказаннаго ею комунибудь изъ ея ревнивыхъ поклонниковъ. Приходилось всегда быть на сторожѣ, испытывая первый разъ въ жизни неудобство положенія хорошенькой женщины, и притомъ одной, среди этихъ «добрыхъ» влюбчивыхъ моря-

ковъ, которые ужь черезъ-чуръ удостоивали ее своимъ любезнымъ вниманіемъ и ни на минуту не оставляли безъ своего общества, лишь только она появлялась на палубѣ. Каждый старался чѣмъ-нибудь услужить ей. Каждый встрѣчалъ ее восторженнымъ комплиментомъ или краснорѣчивымъ взглядомъ.

«И какъ скоро воспламеняются моряки и какъ быстро дѣлаютъ признанія!»—удивлялась пассажирка, убѣдившись въ этомъ не на одномъ только примѣрѣ сумасшедшаго мичмана.

Черезъ два дня послѣ его страстной пѣсни любви, совсѣмъ неожиданно, и тоже во время ночной вахты, признался ей въ своихъ чувствахъ и лейтенантъ Баклановъ. Говорилъ онъ, правда, не столь пылко и краснорѣчиво, какъ Цвѣтковъ, и для доказательства своей любви не предлагалъ бултыхнуться въ океанъ, но за то съ стремительной откровенностью предложилъ хорошенькой вдовѣ руку и сердце. Не выждавъ еще принципіальнаго согласія, онъ диктовалъ слѣдующія условія: свадьба немедленно послѣ возвращенія клипера въ Россію, а теперь они будутъ женихомъ и невѣстой (соблазнительная роль жениха, кажется, особенно привлекала лейтенанта и едва ли не была главнымъ мотивомъ предло-

женія). У него есть состояніе, правда, небольшое, но жить можно, не нуждаясь. Онъ будетъ любящимъ и преданнымъ мужемъ. Полюбилъ онъ ее съ первой же встрѣчи и *такъ* горячо никогда и никого не любилъ.

— Судьба моя въ вашихъ рукахъ!—не безъ эффекта закончилъ лейтенантъ трагическимъ шепотомъ.

Все свое признаніе онъ произнесъ необыкновенно быстро, очевидно боясь, что кто-нибудь помѣшаетъ интимной бесѣдѣ на самомъ интересномъ моментѣ и тогда жди случая, чтобы закончить начатое съ такой отвагой. И то ужъ Цвѣтковъ разъ прошмыгнулъ мимо нихъ.

Въ ожиданіи отвѣта, Баклановъ глядѣлъ на пассажирку такимъ восхищенно-жаднымъ взглядомъ своихъ голубыхъ, нѣсколько наглыхъ, глазъ, точно собирался тотчасъ же съѣсть ее, лишь только она благосклонно приметъ его предложеніе.

Благодаря темнотѣ вечера, пассажирка не видала этого взгляда. Не видалъ и Баклановъ насмѣшливой улыбки въ ея глазахъ и только услыхалъ ея спокойно-ироническій отвѣтъ:

— Совсѣмъ по-американски. Я не думала, что моряки такъ торопливо рѣшаютъ и свою и чужую судьбу.

Она поблагодарила за честь, ничѣмъ ею не

вызванную, прибавивъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ раздѣлить его, столь неожиданно проявившагося чувства и вообще не собирается пока выходить замужъ.

Этотъ отвѣтъ, звучащій насмѣшливымъ тономъ, вызвалъ самолюбивое раздраженіе кронштатскаго сердцеѣда, избалованнаго успѣхами, и главнымъ образомъ противъ Цвѣткова, котораго Баклановъ считалъ своимъ счастливымъ соперникомъ. Не даромъ эти послѣдніе дни онъ необыкновенно веселъ и ходитъ гоголемъ!

Повидимому Баклановъ безропотно покорился отказу «мраморной вдовы». Онъ извинился за смѣлость признанія, вызваннаго его безумною любовью. Разумѣется, онъ болѣе не осмѣлится надоѣдать ей и проситъ похоронить этотъ разговоръ. Пусть о немъ ни душа не знаетъ...

— О, будьте на этотъ счетъ покойны!— прервала его молодая женщина.

— А я останусь съ разбитымъ сердцемъ надолго... Надолго, Вѣра Сергѣевна,—грустно прибавилъ онъ.

— Надѣюсь, не болѣе недѣли?

— Вы смѣетесь?.. Что-жъ, смѣйтесь!.. Но, повѣрьте, я не похожъ на другихъ, которые влюбляются въ каждомъ портѣ,—пустилъ онъ

намекъ по адресу товарища и, низко поклонившись, отошелъ отъ пассажирки и поднялся на мостикъ.

Молодая женщина поспѣшила спуститься къ себѣ, боясь новыхъ изліяній съ чьей-нибудь стороны, и спугнула капитанскаго вѣстоваго Чижикова, который стоялъ у раскрытой двери Аннушкиной каютки и вполголоса разсказывалъ своей внимательной слушательницѣ о томъ, какія бываютъ бури, а самъ, улыбаясь глазами, поглядывалъ на румяную, пышную Аннушку, занятую шитьемъ, и взоромъ, полнымъ ласки, говорилъ, казалось, совсѣмъ о другомъ.

— Такъ больше ничего не потребуется?— спросилъ онъ Аннушку, пропуская пассажирку...—Спокойной ночи, барыня!—поклонился онъ.

— Прощайте, — промолвила молодая женщина, невольно улыбнувшись этой маленькой хитрости вѣстоваго.

«И тутъ влюбленная атмосфера»!—подумала она.

X.

Чижиковъ находился уже съ Аннушкой на короткой пріятельской ногѣ, словно они давнымъ-давно были знакомы. Это сближеніе произошло какъ-то само-собой, незамѣтно. Онъ помогалъ и услуживалъ Аннушкѣ, охотно и весело исполняя ея обязанности: чистилъ и барынины, и ея ботинки, вытряхивалъ рано утромъ платья, стиралъ ихъ бѣлье. «Ужъ вы не безпокойтесь, Анна Егоровна,—говорилъ онъ,—все справимъ, какъ слѣдуетъ. По матросскому нашему положенію мы все должны справлять». И, ловкій и расторопный, Чижиковъ дѣйствительно все справлялъ не хуже заправской горничной. Онъ и шить умѣлъ, и зналъ, какъ выводить пятна, и башмаки починилъ Аннушкѣ, словомъ былъ парень на всѣ руки, и все у него въ рукахъ спорилось и выходило хорошо. При этомъ онъ былъ

всегда веселъ и никогда не жаловался на работу, хотя работы у него были полны руки. Урывая свободную минуту, онъ перекидывался изъ буфетной съ Аннушкой словомъ и по вечерамъ «лясничалъ» съ ней, но не говорилъ никакихъ нѣжностей, а только улыбался глазами и какъ-то безъ словъ любви, не торопясь и спокойно, вкрадывался въ ея душу, «облещивалъ», съ тонкимъ искусствомъ заправскаго знатока женскаго сердца, и черезъ недѣлю послѣ знакомства, несмотря на «мамзелистость» Аннушки, уже позволилъ себѣ съ нею флиртъ. То, будто шутя, ущипнетъ ее повыше локтя и спроситъ: «больно»? то схватитъ ея руку и, скрестивъ пальцы съ пальцами, предложитъ попробовать силу, то близко подсядетъ къ Аннушкѣ и, словно невзначай, поцѣлуетъ въ розоватый затылокъ. А самъ, съ серьезно-невиннымъ видомъ, точно чмокалъ не онъ, продолжаетъ разсказывать о матросскомъ житьѣ-бытьѣ или про свою сторону и только ласково улыбается глазами, уставленными на Аннушку. И она, отвергшая не мало ухаживаній гг. офицеровъ, какъ-то покорно и весело отдавалась флирту, какъ будто не замѣчая ни шутливыхъ трепковъ, ни щипковъ, ни поцѣлуевъ молодого пригожаго черноглазаго матроса, который казался ей куда милѣе

и понятнѣе американскихъ ухаживателей. Она только послѣ поцѣлуевъ становилась румянѣе, ея добрые сѣрые, большіе глаза ярче блестѣли, и лицо дѣлалось серьезнѣе и внимательнѣе, точно она вся поглощена была тѣмъ, что́ разсказывалъ ей Чижиковъ. Съ тѣмъ же невиннымъ видомъ, Чижиковъ увеличивалъ мало-по-малу область флирта и, не дѣлая никакихъ декларацій, продолжалъ эту «пѣсню безъ словъ», по прежнему услуживая и помогая Аннушкѣ съ ретивымъ усердіемъ безпритязательнаго человѣка. Онъ не переступалъ извѣстныхъ границъ постепенности, чтобы не особенно компрометировать Аннушку въ ея собственныхъ глазахъ, такъ что флиртъ этотъ могъ казаться невинной шалостью. Разъ только Чижиковъ слишкомъ увлекся и, внезапно прервавъ разговоръ о починкѣ барыниныхъ ботинокъ, облапилъ Аннушку и впился въ ея губы, имѣя, повидимому, серьезное намѣреніе цѣловать безъ конца (не даромъ онъ незамѣтно защелкнулъ въ каютѣ задвижку). Аннушка въ первое мгновеніе поддалась этой ласкѣ, но вслѣдъ затѣмъ сурово оттолкнула дерзкаго и, вспыливъ, съѣздила его по уху.

Но Чижиковъ и тутъ не потерялся и даже не сталъ просить прощенія. Вмигъ очутившись по ту сторону двери, онъ, какъ ни въ чемъ

не бывало, спросилъ, продолжая прерванный разговоръ:

— Такъ какое будетъ ваше приказанiе на счетъ барыниныхъ ботинковъ, Анна Егоровна? Прикажете починить?

Первую минуту Аннушка молчала и казалась очень сердитой.

— Что-жъ, почини, — наконецъ промолвила она строгимъ тономъ, не глядя на Чижикова и оправляя сбившiеся волосы.

Однако любопытство заставило ее бросить взглядъ на вѣстоваго, и невольная улыбка скользнула по ея заалѣвшему лицу, при видѣ этой невинно-серьезной физiономiи, точно ни въ чемъ неповинной.

— Такъ пожалуйте, Анна Егоровна. Ужо̀ завтра принесу, — проговорилъ дѣловымъ тономъ Чижиковъ.—Пуговки есть у васъ?

— И лукавый же ты парень, Ванюшка! — протянула нараспѣвъ Аннушка, говоря ему давно уже по-просту на «ты» и, отдавая ботинки, усмѣхнулась.

Сохраняя на своемъ лицѣ все тотъ-же степенно-невинный видъ, Чижиковъ опять только улыбнулся глазами и, пожелавъ спокойной ночи, ушелъ, чувствуя, что Аннушка его простила.

Въ жилой палубѣ, гдѣ въ подвѣшенныхъ

койкахъ уже спали подвахтенные матросы (спать наверху не позволяли, вслѣдствіе присутствія на клиперѣ пассажирки), встрѣтилъ его Егорка, собиравшійся-было ложиться, и любопытно спросилъ:

— Ну, что, братецъ, какъ съ ей? Забираешь ходу?

— Какъ есть, здря. Давно бросилъ! — отвѣчалъ Чижиковъ.

— Ну?

— Горда больно пассажиркина мамзель. Отъ матроса морду воротитъ...

— Ишь ты, а я, братъ, думалъ...

— То-то, пустое,—перебилъ Чижиковъ, который, какъ истый джентльменъ, хранилъ въ абсолютной тайнѣ свои успѣхи даже отъ друга и земляка Егорки.

— Однако дѣло есть! — прибавилъ онъ и, сходивъ въ свой сундучекъ за инструментомъ, приладился у фонаря, чтобы приняться за работу.

— Ты это что-же? Славу Богу, намотался за день, пора бы и спать. Къ спѣху, что-ли?— допрашивалъ Егорка, разглядывая крошечныя дамскія ботинки.—Намъ развѣ на палецъ надѣть!—усмѣхнулся онъ.

— Обѣщалъ. Сама пассажирка просила,— сочинилъ Чижиковъ.

— Да у ей башмаковъ много.

— Эти самые любитъ. Хорошо пришлись, говоритъ.

— Не бойсь, заплатитъ?

— А то какъ-же? Навѣрно наградитъ, какъ въ Гонконтъ придемъ. Намедни вотъ, не въ зачетъ доллеръ дала,— опять совралъ Чижиковъ, чтобы не выдать тайны, для кого это онъ такъ старается.

— А мой мичманъ, Володя-то нашъ, вчерась мнѣ пять доллеровъ отвалилъ,—радостно сообщилъ Егорка и, полураздѣтый, въ одной рубахѣ, присѣлъ на корточкахъ около Чижикова.

— За что?

— Поди-жъ... Я и самъ подивился... И такъ доберъ—всегда награждаетъ, а тутъ... Всталъ этто онъ, братецъ ты мой, послѣ ночной вахты такой веселый... смѣется... и велѣлъ, значитъ, достать изъ «шинерки»*) деньги... А у его и всего-то двадцать доллеровъ капиталу... Подаю. Отсчиталъ пять доллеровъ. «Получай,—говоритъ,—Егорка, а достальные назадъ положи»!

— Щедровитъ,—промолвилъ Чижиковъ и прибавилъ:—и льстится же онъ на пассажирку, я тебѣ скажу, Егорка. Ахъ, какъ льстится!.. Намедни пришелъ: тары, бары, по-фран-

*) Шифоньерка.

цузскому... лямуръ, — это и я разобралъ, — а потомъ вынулъ изъ кармана стишокъ и давай ей читать... Складно такъ выходило, Егорка. «Ваши, говоритъ, очи не даютъ спать ночи» «Вы, говоритъ, что андедъ распрекрасны, щеки, говоритъ, что розы, а ручки у васъ атласны». Все, братецъ ты мой, перебралъ по порядку: и на счетъ ногъ, и на счетъ носа, и на счетъ ейныхъ волосъ... И такъ, шельма, складно. «Я, говоритъ, изъ-за васъ ума рѣшусь и безпремѣнно утоплюсь»... Это онъ пужалъ, значитъ.

— Ишь ты! И выдумаетъ-же! — восхитился Егорка.—Что-жъ пассажирка?

— Усмѣхнулась и стишокъ на память взяла... Только врядъ у ихъ что-нибудь выйдетъ,— автоіитетно замѣтилъ Чижиковъ.

— Небойсь, мой мичманъ ловокъ! — заступился за своего барина Егорка.

— Отважности нѣтъ... Только языкомъ болтаетъ... Этимъ въ скорости не облестишь...

— Нельзя, братъ, генеральская дочь...

— Генеральская, не генеральская, а все живой человѣкъ. Только она, должно быть, какая-то порченая! — неожиданно прибавилъ Чижиковъ.

— Порченая?

— Да какъ же, Егорка. Женщина молодая,

сочная, всѣмъ взяла, а три года вдовѣетъ и,—сказывала Аннушка,—въ Америкѣ женихи были, а не шла. И опять же здѣсь: всѣ на нее льстятся, а она ровно статуй безчувственный. Видно, въ ей кровь не играетъ. Есть, братецъ, такія. Не любятъ мущиновъ...

— Можетъ, только виду не хочетъ оказать и себя соблюдаетъ, а ежели, братецъ ты мой, честь-честью, замужъ — очень даже будетъ согласна... Видитъ — здѣсь ей мужа не найти, потому какъ въ плаваніи всѣ, да и господа не изъ богатыхъ, ну и... форситъ.

— Развѣ что... Но ты, коли баба, хоть хвостомъ поверти...

— Не вертитъ?—разсмѣялся Егорка.

— То-то и есть. И глазъ у ей рыбій... Повѣрь, Егорка, испортили барыню въ Америкѣ этой самой.

— А кто ее знаетъ?.. У господъ другое положеніе. Они тамъ съ мичманомъ моимъ по-французскому говорятъ, можетъ, и договорятся... Онъ тоже ловокъ на счетъ этого... И стишокъ умѣетъ, и изъ себя молодецъ, и башковатъ... Вотъ, въ Гонконгъ придемъ, окажется... Однако, я спать пошелъ!

И Егорка, поднявшись съ корточекъ, направился къ своей койкѣ.

XI.

Какъ слѣдуетъ, носъ. Форменный носъ!— нѣсколько разъ повторялъ про себя Бакла- новъ, нервно шагая съ одного края мостика на другой. Самолюбіе его было уязвлено, и въ немъ закипала злость и на себя за то, что онъ такъ «опрохвостился», и на пассажирку за то, что она съ насмѣшливой шуткой от- неслась къ его предложенію и даже не ска- зала обычныхъ въ такомъ случаѣ словъ о дружбѣ, и на Цвѣткова за то, что этотъ «смаз- ливый болванъ» слишкомъ много о себѣ вооб- ражаетъ.

«Мальчишка!»—со злобой подумалъ Бакла- новъ, стараясь отыскать въ «мальчишкѣ», самыя дурныя стороны. Онъ и легкомысленъ, и без- путенъ, и вообще пустельга, и въ денежныхъ дѣлахъ неакуратенъ. По-уши въ долгахъ. «До сихъ поръ двадцати долларовъ не отдаетъ»—

припомнилъ Баклановъ, рѣшившись завтра же ихъ потребовать съ него. «Не особенно проницательна и *она*, если вѣритъ такому мальчишкѣ!.. Не въ мужья же она его прочитъ, кокетничая съ нимъ... Нечего сказать, основательный былъ-бы мужъ... Одна потѣха!.. А если этотъ «мерзавецъ» и вдругъ имѣетъ успѣхъ?..

При этой мысли у Бакланова явилось такое сильное желаніе перервать «мерзавцу» горло, что онъ, остановившись, стиснулъ руками поручни, словно вмѣсто поручней было несчастное горло мичмана...

— Пос-мот-римъ!—прошепталъ онъ и вдругъ грозно крикнулъ на дремавшаго сигнальщика:—Ты что дрыхнешь, каналья, а?..

А чудная ночь словно нарочно дразнитъ своимъ нѣжнымъ дыханіемъ, волнуя воображеніе давно не бывшаго на берегу моряка далеко не идеальными мечтаніями, въ которыхъ предпочтительную роль играла, разумѣется, эта соблазнительная вдова въ видѣ его невѣсты. То-то вышелъ бы эффектъ и сколько было бы зависти въ каютъ-компаніи, если бы онъ оффиціально объявилъ себя женихомъ пассажирки! Онъ все свободное время проводилъ бы съ нею наединѣ, у нея въ каютѣ, чортъ возьми, и по праву безъ конца цѣловалъ бы

эти маленькія съ ямками ручки, сливочную шейку, алыя губки. Онъ бы...

Неожиданное появленіе на шканцахъ толстой фигуры капитана въ бѣломъ кителѣ вернуло лейтенанта Бакланова къ дѣйствительности. Онъ тревожно оглядѣлся вокругъ.

Тяжело переваливаясь и подсапывая носомъ, капитанъ поднялся на мостикъ, посмотрѣлъ въ компасъ, зорко осмотрѣлъ горизонтъ и поднялъ голову, взглядывая на паруса.

— Лиселя полощатъ, а вы и не видите-съ,— рѣзко выпалилъ капитанъ.

Дѣйствительно, къ стыду Бакланова, лиселя съ правой позорно «полоскали».

— Только сейчасъ вѣтеръ зашелъ.

— Убрать-съ!.. И попрошу васъ, г. лейтенантъ Баклановъ, на вахтѣ не заниматься болтовней съ пассажиркой,—тихо, очевидно сдерживаясь, но съ тѣмъ же раздраженіемъ продолжалъ капитанъ.— Что у насъ военное судно или гостинная-съ? На вахтѣ развѣ офицеры разговариваютъ-съ? Вы тутъ любезничали, а у васъ лиселя шлепаютъ-съ... Могли бы и всѣ паруса прошлепать. Прошу помнить-съ, что вы вахтенный начальникъ, а не дамскій кавалеръ-съ!

Баклановъ скомандовалъ убрать лиселя, а капитанъ стоялъ сердитый, взглядывая на освѣ-

щенный люкъ каюты, въ которой скрылась эта очаровательная вдовушка, лишившая и его, точно въ штормовую погоду, сна и будившая въ немъ, на старости лѣтъ, мечты о второй молодости и страстное желаніе мгновенно похудѣть...

Капитанъ постоялъ минутъ пять и скрылся въ рубкѣ. Раздѣвшись, онъ снова легъ спать, но заснулъ не скоро. Чортъ знаетъ, что лѣзло въ голову. И уборка лиселей не такъ его занимала, какъ прежде, и его Анета, вѣрная супруга и строгая дама, казалась ему теперь, при сравненіи, такой некрасивой, сухопарой, бѣлобрысой женщиной съ своими жидкими косичками и такой злой съ вѣчными сценами изъ-за смазливыхъ горничныхъ...

Со времени появленія на клиперѣ пассажирки капитанъ вдругъ сталъ чаще философствовать насчетъ семейной жизни и критически оцѣнивать характеръ и наружность жены, хотя и былъ примѣрнымъ отцомъ и добрымъ мужемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ до униженія лебезилъ передъ пассажиркой. Всѣ его любезности обращались очень мило въ шутку, и онъ, наконецъ, замѣтилъ, что пассажирка не особенно любитъ быть съ нимъ tête à tête. Замѣтивши это, онъ, какъ истинно галантный рыцарь, пересталъ въ послѣднее

время заходить къ ней и встрѣчался только за обѣдомъ да наверху, умильно поглядывая на нее и срывая свою досаду на молодыхъ офицерахъ, къ которымъ ревновалъ съ слѣпой яростью влюбленнаго пожилаго человѣка, сознающаго тщету надеждъ.

Какъ ни старался капитанъ скрыть передъ подчиненными свое малодушное ухаживаніе за пассажиркой, всѣ видѣли, что онъ втюрился. Не даромъ же онъ и душится, и ходитъ въ новомъ сюртукѣ, и наверху остерегается ругать матросовъ и давать подчасъ волю рукамъ. Всѣ понимали причину его «разносовъ» и посмѣивались втихомолку надъ «влюбленнымъ боровомъ», устраивая ему всяческія каверзы. Замѣтитъ вахтенный, что капитанъ спустился къ пассажиркѣ, какъ сейчасъ же шлетъ туда гардемарина доложить, что «судно на горизонтѣ» или что «вѣтеръ заходитъ» или что «китъ показался». Словомъ молодежь выискивала всевозможные предлоги, чтобы помѣшать капитану любезничать съ пассажиркой. А когда она бывала наверху, ее тотчасъ же окружали, и капитанъ, сердито пыхтя, одиноко ходилъ по шканцамъ, съ досадой посматривая на молодежь и не смѣя подойти, чтобъ не вызвать иронически-почтительныхъ взглядовъ.

Капитанъ видѣлъ и чувствовалъ всѣ эти каверзы и скрытыя насмѣшки и, не смотря на свое добродушіе, втайнѣ бѣсновался. Особенно преслѣдовалъ онъ Цвѣткова и разъ даже во время паруснаго ученія пригрозилъ отдать его подъ судъ...

Все это замѣтила подъ-конецъ и пассажирка и прекратила съ Цвѣтковымъ чтенія вдвоемъ, тѣмъ болѣе, что при первомъ же чтеніи послѣ признанія, онъ снова заговорилъ о любви и хотя раньше и клялся, что ему кромѣ святой дружбы рѣшительно ничего не надо, тѣмъ не менѣе такъ трогательно просилъ позволенія «братски» поцѣловать ея «святую» ручку и, получивъ разрѣшеніе, черезъ минуту уже такъ умоляюще жалобно поглядывалъ на маленькіе розовые пальчики, оправдывая поговорку: l'appetit vient en mangeant, — что «мраморная вдова», ограждая мичмана и отъ капитанской мести, и отъ малодушныхъ волненій, благоразумно рѣшила вмѣстѣ не читать и наединѣ не оставаться.

Но что она могла сдѣлать противъ хитрости влюбленнаго человѣка, который сторожилъ каждый ея шагъ и, случалось, улавливалъ минуту, другую, когда она была на палубѣ одна, и тогда... какихъ только тогда не расточалъ онъ ей восторженныхъ комплиментовъ, про

это только знала она одна, такъ какъ самъ мичманъ находился въ телячьемъ экстазѣ и едва ли помнилъ, что̀ говорилъ. И всѣ эти комплименты были такъ наивно почтительны и искренни, а самъ мичманъ такъ благоговѣйно-восторженъ, что молодая женщина не могла и, признаться, не хотѣла сердиться. Ужь очень милъ былъ этотъ жизнерадостный пригожій мичманъ, и такъ щекотали ея нервы эти рѣчи.

«Да и опасно, — увѣряла себя «мраморная вдова»,—того и гляди этотъ сумасшедшій выкинетъ снова что-нибудь невозможное. Пусть ужь лучше говоритъ»!

Она и не подозрѣвала, что онъ въ самомъ дѣлѣ ужь подумывалъ выкинуть такую штуку, которая огорошитъ всѣхъ и окончательно убѣдитъ ее, и тогда, быть можетъ, заставитъ ее откликнуться на его любовь (ужь онъ теперь втайнѣ мечталъ о взаимности).

Но пока эта «штука» была его тайной.

Съ каждымъ днемъ положеніе бѣдной пассажирки становилось затруднительнѣе и, несмотря на удобства плаванія, она не безъ нетерпѣнія ждала его конца. Эта атмосфера любви вокругъ нея все сгущалась и сгущалась и грозила разразиться новыми изліяніями и всеобщей ссорой моряковъ.

«Милордъ» перестaлъ цѣдить слова и од-

нажды какъ-то очень значительно заговорилъ съ пассажиркой о томъ, что жизнь, собственно говоря, глупая и пустая шутка. Бѣдняга-Васенька, до сихъ поръ не рѣшавшійся говорить съ пассажиркой, совсѣмъ проглядѣлъ на нее глаза и исхудалъ. Докторъ что-то усиленно сталъ проповѣдывать о разводѣ и заботливо разспрашивалъ о здоровьѣ, предлагая свои услуги изслѣдовать ее. Капитанъ, какъ гимназистъ, сторожилъ пассажирку, соперничая въ этомъ съ Цвѣтковымъ; долговязый ревизоръ мрачно вздыхалъ, а Баклановъ, согласно обѣщанію, ходилъ «съ разбитымъ сердцемъ». При встрѣчахъ съ пассажиркой онъ или горько улыбался, или меланхолически расправлялъ свои роскошные длинные усы и пѣлъ въ каютъ-компаніи, присаживаясь за піанино, самые меланхолическіе романсы. Пусть слышитъ! Но, разумѣется, отъ всѣхъ скрывалъ свою неудачу и въ разговорахъ о пассажиркѣ выказывалъ пренебрежительное равнодушіе. Однако, почти не говорилъ съ Цвѣтковымъ и по-временамъ бросалъ на него такіе свирѣпые взоры, что старикъ Иванъ Ивановичъ теперь боялся, какъ бы у Баклапова, въ свою очередь, не было намѣренія «запалить въ морду» мичману, и нетерпѣливо ждалъ конца этого «бабьяго» плаванія, благодаря кото-

рому на клиперѣ пошелъ кавардакъ, и всѣ очумѣли.

Одинъ только старшій офицеръ Степанъ Дмитріевичъ, не обнаруживая особенной ревности ни къ кому, залихватски покручивалъ усы, съ спокойной увѣренностью человѣка, дѣло котораго въ шляпѣ. «Скоро все объяснится!»—не разъ думалъ онъ и нерѣдко глядѣлся у себя въ каютѣ въ зеркало, не безъ пріятнаго чувства удовлетворенія любуясь своей красной, угреватой физіономіей, съ длиннымъ носомъ и маленькими воспаленными глазками, не безъ нѣкотораго основанія уподобленной Цвѣтковымъ «мѣдной кострюлькѣ». Но у Степана Дмитріевича было на счетъ своего лица особое мнѣніе, и онъ полагалъ, что всякая умная женщина должна была находить его лицо привлекательнымъ.

Онъ уже давно подпускалъ пассажиркѣ кое-какіе отдаленные намеки на счетъ узъ Гименея и своихъ надеждъ скоро быть капитаномъ, и молодая женщина со страхомъ ожидала съ его стороны серьезнаго нападенія.

Эти «добрые» моряки представлялись ей теперь нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. «Они, конечно, милые люди, но вѣрно еще милѣе на сухомъ пути»,—не разъ говорила себѣ хорошенькая вдовушка, чувствуя на себѣ съ каж-

дымъ днемъ все болѣе и болѣе влюбленные взгляды и нерѣдко такіе краснорѣчивые, что краска невольно заливала ея лицо, и она плотнѣе закрывала косынкой свою бѣлоснѣжную шею и пышную грудь и, не смотря на жару, показывалась не иначе, какъ въ высокихъ платьяхъ съ длинными рукавами.

И когда «дѣдушка», наконецъ, зашелъ къ ней однажды и сообщилъ, что черезъ недѣлю, если, Богъ дастъ, все будетъ благополучно, клиперъ придетъ въ Гонконгъ, она выразила большую радость.

— Обрадовались, Вѣра Сергѣевна?—усмѣхнулся хитро «дѣдушка»...—Ужь вы не сердитесь, а откровенно признаюсь, что и я порадуюсь, не смотря на все мое къ вамъ уваженіе, когда вы покинете клиперъ.

— Вы-то отчего, Иванъ Иванычъ?—спросила, улыбаясь, пассажирка.

— Развѣ не видите, Вѣра Сергѣевна? Небойсь, отлично видите, что теперь дѣлается на клиперѣ. Жили мы безъ васъ, милая барыня, мирно и покойно, волновались только по службѣ, а теперь?... Всѣ другъ на друга косятся... Всѣ отъ васъ безъ ума и совсѣмъ сдѣлались вродѣ бѣсноватыхъ...

— Да развѣ я виновата, Иванъ Иванычъ? Кажется, я никому не подавала повода... Я

не знала, что моряки такіе влюбчивые,—прибавила грустнымъ тономъ пассажирка.

— Вы ничуть не виноваты, если не считать виной, что Господь Богъ создалъ васъ такой хорошенькой. Простите, Вѣра Сергѣевна: мнѣ, старику, можно это сказать,—проговорилъ старый штурманъ отеческимъ тономъ, избѣгая, однако, глядѣть на ослѣпительно свѣжее лицо пассажирки.

— Я больше никогда не поѣду на военномъ суднѣ,—промолвила она.

— И не слѣдуетъ... Я никогда не бралъ бы пассажирокъ, особенно такихъ милыхъ, какъ вы... А бѣдняга Цвѣтковъ что-то опять загрустилъ. Какъ бы не натворилъ глупостей! Ужь вы его образумьте, Вѣра Сергѣевна. Васъ онъ послушаетъ.

— Какихъ глупостей?—спросила пассажирка, и въ голосѣ ея дрогнула испуганная нотка.

— А кто его знаетъ. Отъ этого сумасшедшаго можно всего ожидать. Пожалуй захочетъ бѣжать за вами, и тогда прощай его служба. Жаль будетъ. Малый онъ славный, и сердце золотое, и офицеръ блестящій... Я его очень люблю... Одна бѣда,—улыбнулся «дѣдушка»,—какъ влюбится, такъ ему море по колѣна на первыхъ порахъ. Совсѣмъ отчаянный становится... Ужь вы урезоньте его... Уѣдете вы, и онъ придетъ въ себя... Отходчивый!

— Отходчивый?—протянула не безъ досады пассажирка. — Ну, конечно, эта блажь скоро пройдетъ. Благодарю, что предупредили, милый дѣдушка. Постараюсь убѣдить его не дурить.

— Только теперь ему ни полъ-слова, а то непремѣнно удеретъ за вами. Сумасбродъ на рѣдкость и упрямъ, какъ лошакъ.

XII.

Приглашать пассажирку обѣдать въ это воскресенье въ каютъ-компаніи пошелъ, по обыкновенію, старшій офицеръ, но въ этотъ разъ всѣмъ невольно бросилась въ глаза какая-то особенная торжественность и въ лицѣ и во всей плотной, небольшой и неказистой фигурѣ Степана Дмитріевича. Онъ былъ по праздничному, въ вицъ-мундирѣ, съ Станиславомъ на шеѣ и Анной въ петлицѣ, весь сіяя, какъ хорошо отчищенная мѣдная пушка. Лысина была тщательно зачесана, рѣдкіе волосы напомажены, усы подфабрены и весь онъ благоухалъ, нисколько не пожалѣвши духовъ.

Въ такомъ великолѣпіи явился онъ, послѣ доклада Чижикова, передъ пассажиркой и, послѣ привѣтствія, пожавъ ей руку, сѣлъ въ кресло и сказалъ:

— Отъ лица всей каютъ-компаніи явился

къ вамъ, Вѣра Сергѣевна, покорнѣйше просить сдѣлать честь и пожаловать къ намъ сегодня откушать. Надѣемся, вы осчастливите насъ своимъ посѣщеніемъ, не правда ли? — прибавилъ Степанъ Дмитріевичъ и сталъ крутить усы, взглядывая на пассажирку съ побѣдоноснымъ видомъ обаятельнаго мужчины.

Пассажирка любезно поблагодарила и обѣщала быть.

Обыкновенно послѣ подобнаго приглашенія Степанъ Дмитріевичъ, сказавъ два, три слова, удалялся, но на этотъ разъ онъ плотнѣе усѣлся въ креслѣ, выпятивъ грудь колесомъ, и, послѣ небольшой паузы, проговорилъ:

— Увы! Это послѣднее воскресенье, что мы видимъ васъ на клиперѣ, божественная Вѣра Сергѣевна. Еще три дня, и клиперъ осиротѣетъ, какъ только броситъ якорь въ Гонконгѣ. Вамъ не жаль покидать насъ? Никого не жаль?

— Напротивъ, всѣхъ жаль. Всѣ такъ баловали меня своимъ вниманіемъ.

«Лукавишь», — весело подумалъ Степанъ Дмитріевичъ и продолжалъ, отставивъ чуть-чуть въ бокъ свою коротенькую, толстую ножку.

— Но вы ни о чемъ не догадывались? Вы не замѣтили, что съ моей стороны было нѣчто большее, чѣмъ простое вниманіе?—не безъ паѳоса проговорилъ старшій офицеръ, и его

маленькіе глазки еще болѣе съузились и словно хотѣли совсѣмъ спрятаться отъ полноты чувствъ.

«Вотъ оно, начинается!» — со страхомъ подумала пассажирка и промолвила:

— Какъ же, я видала вашу доброту и заботливость и очень вамъ благодарна.

— Не совсѣмъ то, далеко не то, Вѣра Сергѣевна... Не одна заботливость, не одна доброта, а чистосердечно скажу: болѣе серьезное чувство... Казалось, что и вы показывали мнѣ расположеніе, Вѣра Сергѣевна... Не конфузьтесь, пожалуйста,—вставилъ Степанъ Дмитріевичъ, замѣтивъ, что пассажирка достала платокъ, чтобы скрыть едва удерживаемый смѣхъ,—я не мальчикъ, а человѣкъ солидный, мнѣ 40 лѣтъ, и я пришелъ къ вамъ съ серьезными намѣреніями... съ очень серьезными и основательно обдуманными... Давно собирался я вкусить счастія семейной жизни, но до сихъ поръ не встрѣчалъ особы, которая... которая внушила бы мнѣ глубокое чувство, пока не встрѣтилъ подъ небомъ далекой Америки васъ...

Степанъ Дмитріевичъ остановился, чтобы вытереть надушеннымъ платкомъ потъ, обильно струившійся по его лицу, и съ большимъ одушевленіемъ продолжалъ:

— Я—человѣкъ не злой, характеръ у меня ровный, и я буду любить и хранить васъ, какъ дорогую жемчужину... Служебное положеніе мое обезпечено, и у меня кое-что есть на черный день... Смѣю надѣяться, что и вы, послѣ тяжелыхъ испытаній захотите тихой пристани и осчастливите одинокаго человѣка, давши слово быть его другомъ и женой,—съ чувствомъ произнесъ старшій офицеръ. — Черезъ шесть мѣсяцевъ мы вернемся въ Россію. Ждать недолго. Надѣюсь, и я вамъ нѣсколько нравлюсь, Вѣра Сергѣевна?—закончилъ Степанъ Дмитріевичъ не безъ самоувѣренной улыбки и ждалъ отвѣта.

Но пассажирка молчала, давно склонивъ голову, чтобы скрыть смѣющееся лицо. Этотъ самоувѣренный тонъ былъ такъ комиченъ!

Степанъ Дмитріевичъ, имѣвшій несчастіе считать себя неотразимымъ мужчиной, объяснилъ это молчаніе совсѣмъ иначе и, любуясь бюстомъ пассажирки замаслившимися глазками, проговорилъ нѣжнымъ, ласковымъ шепотомъ:

— Милая Вѣра Сергѣевна!.. Не конфузьтесь! Поднимите головку... взгляните на меня... Вѣдь вы согласны, да?.. Не волнуйтесь, ради Бога... Вы молчите?.. Ну, протяните вашу прелестную ручку въ знакъ согласія...

Пассажирка подняла голову и, стараясь быть серьезной, чтобы не оскорбить Степана Дмитріевича, отвѣтила, кусая губы:

— Благодарю за честь, но... я не собираюсь замужъ.

Степанъ Дмитріевичъ опѣшилъ и наивно спросилъ:

— Значитъ, вы отказываете?

— Какъ видите...

— Но, быть можетъ, это не рѣшительно... Вы подумаете и...

— Нѣтъ, Степанъ Дмитричъ, рѣшительно...

— Въ такомъ случаѣ... извините... А я, признаться, надѣялся... Что-жъ... Ошибся... Надѣюсь, это между нами... Дай вамъ Богъ счастія, Вѣра Сергѣевна.

И, шаркнувъ ножкой, какъ обучали его еще въ корпусѣ, Степанъ Дмитріевичъ, скушавши на своемъ вѣку пятый отказъ, съ достоинствомъ удалился, не столько обиженный, сколько изумленный.

«Онъ считалъ пассажирку гораздо умнѣе. Оказывается, совсѣмъ глупая бабенка!» — высокомѣрно подумалъ Степанъ Дмитріевичъ.

Однако онъ былъ красенъ, какъ ракъ, когда вошелъ въ каютъ-компанію, и не имѣлъ прежняго торжественнаго вида.

Обѣдъ въ каютъ-компаніи въ это воскре-

сенье прошелъ какъ-то натянуто. Всѣ точно стѣснялись чѣмъ-то и недружелюбно посматривали другъ на друга. Взгляды прояснялись лишь только тогда, когда обращались на пассажирку. Она была въ свѣтломъ высокомъ платьѣ, по обыкновенію любезная, привѣтливая и ослѣпительная. Капитанъ предпочтительно занималъ ее, повторяя старые разсказы, и часто путался. Степанъ Дмитріевичъ, хоть и по-прежнему побѣдоносно покручивалъ усы, но казался нѣсколько раздраженнымъ. Баклановъ сидѣлъ съ «разбитымъ сердцемъ», милордъ былъ мраченъ, а кругленькій, чистенькій докторъ, хоть и выручалъ капитана, поддерживая разговоръ съ гостьей, но имѣлъ нѣсколько обиженный видъ огорченнаго кота. Исхудавшій Васенька, сидѣвшій на концѣ стола, поминутно краснѣлъ, бросая робкіе взгляды на пассажирку. Только дѣдушка, механикъ, артиллеристъ Евграфъ Ивановичъ и вихрастый гардемаринъ съ сочными губами ѣли и пили съ обычной исправностью.

— А барометръ все падаетъ, Иванъ Иванычъ,—замѣтилъ въ концѣ обѣда капитанъ.— Какъ бы сегодня не засвѣжѣло!

— Къ тому идетъ-съ. Пожалуй и не дотянемъ нашего счастливаго плаванія.

— Вотъ, Вѣра Сергѣевна, вы насъ скоро

покидаете—и погода намъ измѣняетъ, — любезно промолвилъ капитанъ, умильно взглядывая на пассажирку.—Сегодня и небо ужъ не прежнее... Тучи заходили, и океанъ зашумѣлъ... Сердятся, что мы васъ отпускаемъ.

И только онъ это сказалъ, какъ сверху раздался громкій, взволнованный голосъ Цвѣткова, торопливо и возбужденно командовавшій:

— Брамъ-фалы и марса-фалы отдать! Фокъ, гротъ и бизань на гитовы! Кливера долой!

Въ ту же секунду вбѣжалъ сигнальщикъ.

— Шквалъ, вашескобродіе!—доложилъ онъ капитану.

— Извините, Вѣра Сергѣевна,—вымолвилъ капитанъ и торопливо вышелъ. Вслѣдъ за нимъ вышли старшій офицеръ и дѣдушка. Вѣстовые бросились закрывать люкъ.

Видя спокойныя лица оставшихся за столомъ, пассажирка безъ страха, хотя и волнуясь, доканчивала пирожное, какъ вдругъ сверху донесся какой-то потрясающій гулъ, въ каютъ-компаніи потемнѣло, съ грохотомъ покатилась посуда, и молодую женщину бросило на другой конецъ дивана. Клиперъ легъ на бокъ, и пассажирка чувствовала, какъ она вмѣстѣ съ нимъ наклоняется все ниже и ниже.

Силясь улыбнуться, она испуганно посмо-

грѣла на моряковъ. Баклановъ, докторъ и Васенька подошли къ ней.

— Не пугайтесь, Вѣра Сергѣевна, онъ сейчасъ встанетъ,—успокаивалъ Баклановъ.

— Никакой опасности нѣтъ, — авторитетно проговорилъ юный Васенька.

Но клиперъ не вставалъ. Его кренило все больше и больше... Казалось, вотъ-вотъ онъ сейчасъ опрокинется. Эти секунды были ужасны. Блѣдная, какъ смерть, съ широко открытыми отъ ужаса глазами, пассажирка глядѣла передъ собой. И у всѣхъ лица мгновенно сдѣлались необычайно серьезными. Трепетъ страха застылъ въ глазахъ. Всѣ инстинктивно бросились вонъ изъ каюты.

— Пойдемте, — стараясь казаться спокойнымъ, выговорилъ Баклановъ, и повелъ пассажирку наверхъ, поддерживая ея руку. Васенька шелъ за ними. Онъ твердо рѣшилъ, въ случаѣ гибели клипера, спасать пассажирку.

Страшный вихрь разметалъ ея волосы, и они разсыпались по плечамъ. Баклановъ подвелъ ее ко входу въ капитанскую каюту. Тамъ стояла уже испуганная Аннушка и то и дѣло крестилась.

XIII.

Клиперъ между тѣмъ уже поднялся и бѣшено мчался. Паника, охватившая молодую женщину во время этой долгой, безконечной минуты лежанія на боку клипера, поваленнаго жестокимъ шкваломъ,—прошла вмѣстѣ съ мыслью о гибели. Видъ людской толпы бодрилъ пассажирку. Все еще взволнованная отъ только-что испытаннаго ощущенія казавщейся ей близости смерти, она торопливо подобрала свои роскошные волосы и, при помощи Аннушки, завязала въ узелъ. Смышленный Чижиковъ, бывшій во время шквала при Аннушкѣ, догадался принести пассажиркѣ ватеръ-пруфъ и платокъ на голову.

— Одѣньтесь, барыня, не-равно продуетъ.

Между тѣмъ боцманъ, какъ бѣшенный, про-

ревѣлъ: «пошелъ всѣ наверхъ»! — и всѣ бросились на свои мѣста. Баклановъ еще раньше побѣжалъ къ своей фокъ-мачтѣ, а Васенька, не оставлявшій пассажирки, полетѣлъ на мостикъ, гдѣ долженъ былъ находиться при капитанѣ во время аврала. Уходя, онъ сказалъ молодой женщинѣ:

— Видите, никакой опасности нѣтъ. Вы не бойтесь, Вѣра Сергѣевна,—прибавилъ онъ голосомъ, полнымъ нѣжнаго чувства, и съ выраженіемъ необыкновенно серьезной и трогательной заботливости на своемъ юномъ лицѣ. И совсѣмъ заалѣлъ, встрѣтивъ благодарный, ласковый взглядъ пассажирки.

Двѣ женщины остались однѣ.

Пассажирка оглядѣлась. Боже, какъ все перемѣнилось кругомъ! Небо было сплошь усѣяно клочковатыми нависшими тучами, океанъ шумѣлъ, вздымая высокія сѣдыя волны, и сильный вѣтеръ свирѣпо гудѣлъ въ снастяхъ. На оголенныхъ мачтахъ клипера трепыхались разорванные въ клочки громадные марсели, а отъ брамселей оставались однѣ лоскутки.

На палубѣ и на реяхъ кипѣла работа. Снизу принесли новые марсели и подняли ихъ, взявши предварительно всѣ рифы. Марсовые, покачиваясь на реяхъ, отвязывали разорван-

ные паруса, чтобы потомъ привязать новые. Брамъ-стеньги и брамъ-реи уже были спущены. Раздавались какія-то непонятныя для пассажирки командныя слова старшаго офицера, грозные окрики капитана и по-временамъ съ бака доносились отчаянныя ругательства боцмановъ, разрѣшившихъ себя отъ долгаго воздержанія. Въ первый разъ пассажиркѣ пришлось увидать морскую жизнь въ ея суровой обстановкѣ и моряковъ за тяжелымъ, полнымъ опасности дѣломъ. А вѣтеръ крѣпчалъ, волны росли, все сильнѣе раскачивая клиперъ. Качались стремительнѣе и матросы вмѣстѣ съ реями, концы которыхъ съ уцѣпившимися на нихъ людьми висѣли надъ водяной бездной.

Капитанъ, стоявшій на мостикѣ, разставивъ свои толстыя ноги, сосредоточенный и серьезный, съ энергичнымъ и суровымъ выраженіемъ на красномъ лицѣ, не имѣлъ теперь ничего общаго съ тѣмъ смѣшнымъ, лебезившимъ ухаживателемъ, говорившимъ пошлыя любезности и приторныя рѣчи, котораго знала пассажирка. И онъ, казалось ей, былъ теперь не прежній уродливый толстякъ, а не лишенный своеобразной красоты «морской волкъ» среди бушующаго океана. И Степанъ Дмитріевичъ, со своимъ комичнымъ самомнѣніемъ о прелести своей персоны, былъ теперь далеко не

смѣшенъ, спокойно и увѣренно распоряжавшійся авраломъ и командовавшій тѣмъ авторитетнымъ тономъ знающаго свое дѣло человѣка, который, въ минуты опасности, вселяетъ бодрость и увѣренность въ другихъ. Невольно чувствовалось, что эти люди—вѣрные рыцари долга. И Баклановъ точно сбросилъ свое хлыщество и видъ «разбитаго сердца», весь, казалось, проникнутый лишь одной мыслью, чтобы у него поскорѣе перемѣнили форъ-марсель и не отстали отъ гротъ-марса. И «милордъ» не корчилъ «англичанина», а усердно и ретиво наблюдалъ за работой на югѣ. А гдѣ же Цвѣтковъ?—искала глазами пассажирка и, наконецъ, поднявши взглядъ наверхъ, увидала его, веселаго, румянаго, съ выбившимися изъ-подъ фуражки кудрями, на гротъ-марсѣ, куда полѣзъ онъ, чтобы на мѣстѣ руководить перемѣной гротъ-марселя, и гдѣ матросы, любившіе мичмана и называвшіе его между собой «Володей», веселѣе и спорѣе работали, подбадриваемые его веселыми словами и его жизнерадостнымъ отважнымъ видомъ...

И никто изъ нихъ не обращалъ теперь на хорошенькую пассажирку никакого вниманія. Точно ея и не было.

«Совсѣмъ они стали другіе», — подумала пассажирка.

Черезъ полчаса работы были окончены, и клиперъ съ зарифленными марселями бѣжалъ, подгоняемый засвѣжѣвшимъ вѣтромъ, удирая отъ попутной волны.

XIV.

Къ утру слѣдующаго дня въ морѣ «ревѣло». Обѣихъ пассажирокъ укачало, и онѣ отлеживались по своимъ каютамъ. Капитанъ часто навѣдывался къ пассажиркѣ и черезъ закрытую портьеру увѣрялъ, что нѣтъ ни малѣйшей опасности, выражалъ негодованіе на погоду, лишавшую его счастія видѣть очаровательную Вѣру Сергѣевну и опять говорилъ любезности. Чижиковъ находился безотлучно при пассажиркахъ и ухаживалъ за ними, разгоняя находившій по-временамъ на нихъ страхъ своимъ спокойнымъ видомъ и ласково улыбающимися глазами. Онъ каждый день докладывалъ барынѣ, что мичманъ Цвѣтковъ «кланяются и просятъ узнать о здоровьѣ», и передавалъ мичману, что пассажирка велѣла очень благодарить. И за это получалъ отъ мичмана доллары. А Аннушку онъ усердно

угощалъ лимонами, развлекалъ болтовней и, пользуясь иногда молчаливымъ ея согласіемъ, чмокалъ въ щеки.

Черезъ три дня клиперъ съ попутнымъ штормомъ влетѣлъ въ Гонконгъ и, бросивъ якорь, неподвижно замеръ въ затишьѣ закрытой бухты.

Въ тотъ же день, послѣ прощальнаго обѣда, во время котораго пассажиркѣ высказывались самыя горячія пожеланія и самыя пылкія сожалѣнія объ ея отъѣздѣ, — она съѣхала въ городъ и перебралась въ гостинницу въ ожиданіи парохода, уходившаго въ Европу черезъ три дня.

Подстороживъ пассажирку передъ отъѣздомъ одну, Цвѣтковъ просилъ разрѣшенія быть у нея на берегу. Ему необходимо переговорить объ одномъ очень важномъ дѣлѣ. Онъ такъ умоляюще глядѣлъ, и видъ у него былъ такой серьезный и рѣшительный, что пассажирка шепнула: «пріѣзжайте», надѣясь отговорить его отъ «штуки», которую онъ, видимо, собирался выкинуть.

«Да и отчего не повидаться съ этимъ милымъ мичманомъ передъ тѣмъ, какъ разстанемся навсегда»?—подумала «мраморная вдова», чувствуя къ нему невольную благодарность за его сумасшедшую любовь.

Аннушка вышла изъ каюты съ заплаканными глазами, а Чижиковъ съ особенно-серьезнымъ видомъ старательно перетаскивалъ вещи и подавалъ ихъ на шлюпку, и когда шлюпка была готова, подошелъ къ капитану и, осѣненный внезапнымъ вдохновеніемъ, доложилъ:

— Барыня приказала помочь на берегу и вещи доставить. Прикажете ѣхать, вашескобродіе?

Капитанъ махнулъ головой, приказавъ поскорѣе вернуться.

— Есть! — весело отвѣтилъ Чижиковъ и вслѣдъ за пассажирками юркнулъ на носъ катера.

Когда катеръ отвалилъ, съ клипера раздались прощальныя привѣтствія и съ палубы долго еще махали шапками и платками.

— Ну, слава Богу, уѣхала! — прошепталъ, облегченно вздыхая, «дѣдушка» и бросилъ испытующій взглядъ на озабоченнаго Цвѣткова.

Отвозилъ пассажирку Васенька, который и привезъ ее въ С.-Франциско на клиперъ. Грустный сидѣлъ онъ на рулѣ сзади молодой женщины и безмолвно любовался ею въ послѣдній разъ.

XV.

Подъ вечеръ слѣдующаго дня Цвѣтковъ, одѣтый въ статское лѣтнее платье, со шлемомъ, обвитымъ кисеей, на головѣ, поднимался съ пристани въ городъ пѣшкомъ, отвергнувъ предложеніе китайцевъ-носильщиковъ снести его въ паланкинѣ. Онъ ходко шелъ, не смотря на жару, занятый пріятными мыслями. За этотъ день онъ сдѣлалъ всѣ приготовленія для осуществленія своего плана: взялъ у ревизора жалованье за мѣсяцъ и заручился согласіемъ артиллериста Евграфа Ивановича дать ему взаймы подъ росписку пятьсотъ долларовъ. Очень, молъ, нужно. У «милорда» онъ не рѣшался спросить: они были въ натянутыхъ отношеніяхъ, да скупой милордъ и не далъ бы. Отказалъ бы и дѣдушка, догадавшись на что ему нужны деньги. Съ

этими капиталами можно пуститься въ путь. Вдобавокъ онъ отсюда пошлетъ бабушкѣ телеграмму, чтобы немедленно выслала въ Суэцъ тысячу рублей. Обожавшая внука старуха, конечно, вышлетъ. Съ капитаномъ разговоръ будетъ коротокъ. Онъ подастъ ему рапортъ о томъ, что желаетъ списаться съ клипера по болѣзни, и на словахъ объяснитъ, что не можетъ больше съ нимъ служить и выносить его вѣчные разносы и придирки. А не то скажетъ, что получилъ телеграмму о смерти бабушки («Дай Богъ доброй старушкѣ здоровья!») и его немедленно вызываютъ для полученія большаго наслѣдства. Тамъ видно будетъ. «Вѣрь, не вѣрь, это твое дѣло!» А если «толстый боровъ» заартачится, онъ удеретъ и безъ разрѣшенія. Пусть выгонятъ въ отставку. Наплевать! Только бы она разрѣшила ему ѣхать съ ней.

Вотъ и роскошный, громадный «Oriental Hôtel» съ чуднымъ садомъ по ту сторону гостинницы. Онъ хорошо ее зналъ, проигравши въ одномъ изъ номеровъ 100 долларовъ въ ландскнехтъ Бакланову два года тому назадъ, когда клиперъ шелъ изъ Россіи и простоялъ здѣсь недѣлю.

Онъ подалъ швейцару-индусу въ бѣлой чалмѣ визитную карточку, приказавъ передать

ее миссисъ Кларкъ (вчера пріѣхала). Темнобронзовый швейцаръ позвонилъ, и безшумно спустившійся слуга-китаецъ снова пошелъ съ карточкой наверхъ, а Цвѣтковъ вошелъ въ обширный, роскошно убранный, «parlour». Въ полутемной, прохладной комнатѣ, съ опущенными жалюзи, за большимъ столомъ посрединѣ, заваленнымъ газетами и иллюстраціями, сидѣли только двѣ старыя англичанки, которыхъ мичманъ, разумѣется, тотчасъ же мысленно осыпалъ проклятіями, опускаясь на самый отдаленный отъ стола мягкій диванчикъ.

Прошла минута, другая, и молодая женщина вошла въ гостинную. Англичанки подняли головы, пошевелили своими выдававшимися челюстями, оскаливъ большіе бѣлые зубы, и снова погрузились въ чтеніе

— Пойдемте лучше въ садъ, тамъ будемъ бесѣдовать о важныхъ дѣлахъ,—шутливо промолвила въ полголоса молодая женщина послѣ рукопожатій.

— Господи!.. Да какъ же вы сегодня прелестны! — невольно вырвалось у Цвѣткова, и онъ, словно очарованный, благоговѣйно глядѣлъ на Вѣру Сергѣевну, которая дѣйствительно была обворожительна въ своемъ лѣтнемъ свѣтломъ платьѣ съ прозрачными рукавами, сквозь которыя сверкали ослѣпительно

бѣлыя руки, и казалась совсѣмъ молодой дѣвушкой по своей гибкой, изящной фигурѣ и нѣжной свѣжести лица.

— Объ этомъ можно бы и не говорить,— полушутя, полусерьезно возразила она, поправляя въ своей золотистой косѣ пышную ярко-красную розу.—Пойдемте.

Они прямо изъ гостинной вышли въ садъ, сверкавшій яркими цвѣтами въ клумбахъ и роскошью густой листвы тропическихъ деревьевъ. Онъ осмѣлился предложить ей руку, она взяла ее, и они направились въ глубь сада. Мичманъ замиралъ отъ восторга, что идетъ съ ней подъ-руку, отъ волненія не находилъ словъ и, умиленный, только искоса взглядывалъ на очаровательную блондинку и ступалъ съ боязливой осторожностью, словно боясь, что это счастье вдругъ нарушится.

— Ну, чтожъ вы примолкли, Владиміръ Алексѣичъ? Какія у васъ такія важныя дѣла, разсказывайте,—промолвила молодая женщина и, чувствуя, какъ вздрагиваетъ рука молодаго мичмана, поспѣшила опуститься на скамейку, стоявшую въ концѣ аллеи, подъ прохладной тѣнью густолиственнаго тамариндa.—Садитесь, а то жарко ходить!—прибавила она...

Онъ сѣлъ съ видомъ обиженнагс ребенка,

у котораго вдругъ отняли игрушку, и сказалъ:

— Не смѣйтесь, Вѣра Сергѣевна!.. То, о чемъ я хочу говорить, для меня очень важно... очень...

И, «волнуясь и спѣша», онъ объявилъ, что положительно не въ состояніи перенести съ ней разлуки. Онъ броситъ клиперъ и поѣдетъ за ней.

— Зачѣмъ? Чего вы хотите? На что надѣетесь? Вѣдь я говорила вамъ, что не могу отвѣтить на ваше чувство!..

О, онъ ничего не требуетъ... Онъ только молитъ не прогонять его и позволить ему быть по близости отъ нея, видѣть это божественное лицо, слышать этотъ дивный голосъ... Жизнь безъ нея будетъ однимъ страданіемъ... Онъ убѣдился въ этомъ за тѣ три дня во время шторма, въ которые онъ не видалъ ее... Онъ будетъ ждать годъ, два, цѣлую вѣчность... и когда она убѣдится, что привязанность его глубока и безпредѣльна, тогда, быть можетъ...

Онъ не смѣлъ докончить и, вдругъ охваченный молодою страстью, съ глазами, блестѣвшими отъ навертывавшихся слезъ, схватилъ эту маленькую ручку и припалъ къ ней, покрывая ее беззвучными страстными поцѣлуями.

И листья тамаринда тихо шелестѣли надъ головой мичмана и словно насмѣшливо шептали: «онъ ничего не требуетъ».

Молодая женщина не отнимала руки. Эти горячіе поцѣлуи среди тишины и прелести тропическаго сада взволновали и эту «мраморную вдову», такъ долго жившую лишь воспоминаніями о прежней любви. И ея замерзшее сердце оттаивало подъ ними, какъ хрупкая льдинка подъ вешнимъ солнышкомъ. Полузакрывъ глаза, она чувствовала, какъ жгучая истома разливается по ея существу, и въ головѣ ея вдругъ мелькнула мысль: «а что жъ, пусть ѣдетъ!»

Но въ слѣдующее же мгновеніе явился вопросъ: «Зачѣмъ? Не идти же ей, тридцатилѣтней вдовѣ, за этого юнаго сумасброда. Онъ и она—нищіе. Хороша была бы пара!»

И она, не безъ тайнаго сожалѣнія, высвободила свою горячую руку и замѣтила строгимъ тономъ, подавляя невольный вздохъ:

— Не нервничайте, Владиміръ Алексѣичъ. Ваша любовь скоро пройдетъ. Вспомните, сколько разъ вы клялись въ любви?—прибавила она, припоминая слова «дѣдушки».

Мичманъ виновато опустилъ свою кудрявую голову.

— То была не любовь!—промолвилъ онъ.

— А что-же?

— Ерунда!—рѣшительно заявилъ мичманъ.

— И теперешняя будетъ тѣмъ-же,—улыбнулась Вѣра Сергѣевна.

— Неправда! — горячо возразилъ Цвѣтковъ.—Хотите, сейчасъ докажу?...

— Нѣтъ, не надо... вѣрю... вѣрю—испуганно прошептала молодая женщина.

— Такъ, умоляю васъ, позвольте мнѣ ѣхать!..

— Образумьтесь, Владиміръ Алексѣичъ!.. Ваша служба... карьера.

Мичманъ горько усмѣхнулся.

Онъ готовъ былъ броситься за нее въ океанъ, а она говоритъ о службѣ, о карьерѣ...

— Но я не допущу этого безумія. Я не хочу, чтобы вы ѣхали, слышите-ли?

Мичманъ мрачно опустилъ голову.

— А я все таки поѣду,—рѣшительно сказалъ онъ.—Я не могу. Я не подойду къ вамъ, если вы запрещаете, но издали буду смотрѣть на васъ... А это развѣ не счастье?—воскликнулъ онъ.

«Господи! Что ей дѣлать съ этимъ сумасшедшимъ!»—подумала молодая женщина и рѣшилась прибѣгнуть къ хитрости.

— Послушайте, Владиміръ Алексѣичъ, я вижу, что вы серьезно любите, но потребую отъ васъ испытанія...

— Какого хотите...

— Подождите шесть мѣсяцевъ... Это не долгій срокъ... Мы будемъ переписываться. И если вы будете такъ же любить меня, то тогда...

— Что тогда? — воскликнулъ просіявшій мичманъ.

— Тогда являйтесь ко мнѣ и... я посмотрю... Быть можетъ, я соглашусь за васъ выдти замужъ.

— О, Господи... Такое счастье!

И мичманъ, не помня себя отъ восторга, въ знакъ благодарности, бросился цѣловать руки. И пассажирка позволила ему выражать свою благодарность такимъ образомъ. Вѣдь они навсегда скоро разстанутся! Они просидѣли еще нѣсколько времени. Онъ говорилъ ей о своихъ будущихъ планахъ, о томъ, какъ будутъ они жить вдвоемъ, шепталъ о своей любви и снова цѣловалъ руки, снова говорилъ и опять цѣловалъ... А «мраморная вдова» слушала этотъ влюбленный лепетъ съ тайной радостью, и когда опустились сумерки, ей все не хотѣлось уходить...

«Вѣдь мы видимся въ послѣдній разъ!.. Онъ завтра уходитъ въ море»...

Часы гдѣ-то пробили десять, а они все еще сидѣли, и рука ее была въ рукѣ мичмана.

— Пора, — грустно прошептала наконецъ она, вставая,—прощайте, милый юноша!..

И съ этими словами вдругъ обвила его шею и горячо прильнула къ его губамъ.

— Теперь идите, — почти гнѣвно шепнула она, отталкивая мичмана...—Вотъ вамъ на память... Пишите!..

Она выдернула изъ волосъ розу и подала ее Цвѣткову.

Трепещущій отъ счастья, онъ прижалъ розу къ губамъ и прошепталъ:

— Такъ черезъ шесть мѣсяцевъ...

— Черезъ шесть... Уходите... Уходите... Прошу васъ...

Онъ ушелъ, поминутно оборачиваясь, чтобы взглянуть на бѣлѣющую въ темнотѣ фигуру, медленно слѣдовавшую за нимъ.

Вернулся онъ на клиперъ въ одиннадцатомъ часу, чувствуя себя такимъ счастливымъ, какъ никогда, и бережно спряталъ розу въ шифоньерку.

— Что̀, братъ Егорка, вѣдь хорошо, а?— неожиданно обратился онъ къ вошедшему Егоркѣ.

— Точно такъ, ваше благородіе!.. Ужинать не угодно-ли?

— Ужинать!? Кто нынче ужинаетъ?...

Егорка сперва подумалъ, что баринъ спятилъ съ ума, а потомъ рѣшилъ, что видно они съ пассажиркой «договорились» наконецъ на берегу.

Цвѣтковъ заглянулъ въ каютъ-компанію. Тамъ, кромѣ Ивана Ивановича да отца Евгенія, никого не было. Всѣ были на берегу.

Увидавши счастливое, радостное лицо мичмана, «дѣдушка» недовольно крякнулъ и рѣшилъ, что пассажирка его обманула, обѣщаясь уговорить своего сумасшедшаго поклонника.

«Вѣрно позволила ему ѣхать за ней», — съ тревогой подумалъ онъ, прослышавъ отъ Евграфа Ивановича, что Цвѣтковъ у него беретъ 500 долларовъ.

— Что такъ рано съ берега, Владиміръ Алексѣичъ?—спросилъ Иванъ Иванычъ.

— Да нечего дѣлать на берегу...

— А наши всѣ закатились въ театръ, а оттуда ужинать и, конечно, съ дамочками...

— И пусть себѣ. Не завидую.

И Цвѣтковъ скоро ушелъ въ свою каюту, чувствуя потребность быть одному, и сталъ строчить горячее посланіе къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ.

Когда на другой день клиперъ ушелъ въ море, слѣдуя, по телеграфному предписанію

адмирала, въ Калькутту, и «дѣдушка» увидалъ, что Цвѣтковъ веселъ и счастливъ, какъ вчера, старый штурманъ окончательно сталъ въ-тупикъ.

— Провела его вѣрно лукавая бабенка,— рѣшилъ онъ, искренно радуясь за мичмана.

XVI.

Съ отъѣздомъ пассажирки съ клипера и послѣ побывки гг. офицеровъ на берегу, въ каютъ-компаніи по-прежнему скоро воцарилось согласіе. Ни у кого не являлось мысли кому-нибудь «запалить въ морду», на клиперѣ не разило духами и помадой, и боцмана да и гг. офицеры не стѣснялись уснащать командныя слова вдохновенной «морской» импровизаціей. Капитанъ снова ходилъ въ засаленномъ сюртукѣ, спалъ и ругался отлично, похудѣть не желалъ, и жидкія косички супруги больше не безпокоили его воображенія. Онъ не придирался безъ толку къ офицерамъ, и Цвѣтковъ снова сталъ его любимцемъ. Степанъ Дмитріевичъ остался при старомъ мнѣніи, что пассажирка, хоть и не дурна собой, но «глупая женщина», а «милордъ» снова

сталъ цѣдить,что въ ней нѣтъ «ни-че-го особен-наго», и писалъ длиннѣйшія письма къ своей невѣстѣ. Баклановъ, кажется, починилъ свое «разбитое сердце» за ужиномъ съ наѣздницей изъ цирка въ Гонконгѣ, а докторъ пересталъ проповѣдывать о разводѣ. Одинъ только Васенька иногда мечталъ передъ сномъ о божественной пассажиркѣ.

А Цвѣтковъ?

Въ первое время онъ ежедневно строчилъ ей нѣчто въ родѣ письма-дневника. Тамъ были и проза, и стихи. Сначала болѣе стиховъ, а потомъ прозы. Изъ Калькутты онъ послалъ это письмо-монстръ, деликатно зафранкировавши его, и просилъ отвѣчать въ Мельбурнъ. Тамъ онъ письма не получилъ и съ горя отправился на балъ къ губернатору, гдѣ много танцовалъ съ одной хорошенькой англичанкой, женой адвоката. Онъ находилъ ее чертовски прелестной и часто бывалъ у нея, но однако воздержался отъ признанія, имѣя на совѣсти воспоминаніе о поцѣлуѣ въ саду «Oriental Hôtel'я», въ Гонконгѣ. Изъ Мельбурна онъ снова написалъ, но уже не письмо-монстръ, и упрекалъ Вѣру Сергѣевну въ молчаніи. И когда въ Шанхаѣ мичманъ получилъ письмо отъ пассажирки, пересланное изъ Мельбурна, оно показалось ему короткимъ и недостаточно горя-

чимъ... Еще-бы! Онъ ей писалъ на 10 листкахъ, а она всего на двухъ!.. Правда, въ этихъ листкахъ слышалось дружеское чувство и какъ будто даже что-то большее, но вѣдь бумага не то, что хорошенькое личико. Онъ отвѣтилъ на это письмо и опять говорилъ о любви, а потомъ... потомъ... новыя встрѣчи... новыя увлеченія...

Нужно-ли прибавлять, что когда черезъ годъ (а не черезъ шесть мѣсяцевъ) клиперъ вернулся въ Россію, легкомысленный мичманъ не явился къ очаровательной пассажиркѣ.

Но засохшая роза хранится у него до сихъ поръ, напоминая давно прошедшую молодость

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

К. М. Станюковичъ. **Пассажирка.** 2-е изд. Ц. въ красивой обложкѣ 80 к.

К. М. Станюковичъ. **Въ море!** Цѣна въ красивой обложкѣ 1 р.

К. М. Станюковичъ. **Жертвы.** Цѣна въ красивой обложкѣ 1 р.

К. М. Станюковичъ. **Морскіе разсказы,** 2-е изд. Ц. въ красивой обложкѣ 1 р. 50 к.

К. М. Станюковичъ. **Новые морскіе разсказы и Маленькіе моряки** (Воспоминанія о морскомъ корпусѣ). Ц. въ красивой обложкѣ 2 р. 50 к.

Фаусекъ **За морскимъ горизонтомъ.** Ц. въ обложкѣ 40 к.

Борисовъ. **Гибель Ингерманланда.** Ц. 30 к.

Борисовъ. **Петръ Пахтусовъ.** Его жизнь и двукратное путешествіе на Новую Землю. Ц. 30 к.

Сказки попугая (для взрослыхъ). Переводъ съ персидскаго. Ц. въ красивой папкѣ съ массой рисунковъ 1 р. 50 к.

Цѣна 80 коп.

